

The background of the entire cover is a photograph of the interior of a dome, likely from a mosque in Central Asia. The dome's surface is covered in a complex, repeating geometric pattern of interlocking stars and polygons. Each polygon is filled with intricate floral and arabesque designs in shades of blue, gold, and brown. The perspective is looking upwards towards the apex of the dome, where a small, bright, star-like light fixture is visible. The overall effect is one of rich, traditional craftsmanship.

Равиль Бухараев

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
МУСУЛЬМАНСТВА

БЕСЕДЫ
О СЕВЕРНОМ ИСЛАМЕ

Равиль Раисович Бухараев История российского мусульманства. Беседы о Северном исламе

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961628

История российского мусульманства. Беседы о Северном исламе:

Алетейя; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-90670-503-7

Аннотация

Эта книга – уникальное и увлекательное историческое исследование, написанное в форме непринужденной беседы с любопытным и любознательным читателем, которого интересует история цивилизаций, мировоззрений и религиозных верований.

[<p id="___GoBack">](#)Когда, как и почему – без огня и меча, без военных завоеваний исламское учение продвинулось так далеко на север, в районы среднего Поволжья, в Булгарское, а потом и Казанское царство. Эта книга поначалу была написана Равилем Бухараевым на английском языке и издана в Англии. Но потом известный писатель, поэт и историк Равиль Бухараев, который занимался историческими изысканиями в области исламской истории и культуры много лет, интерпретировал и переработал ее с учетом восприятия этой темы внутри России на основе

исчерпывающего исследования многочисленных иноязычных источников, а также личного опыта. Английский вариант этой книги рекомендован для изучения в университетах некоторых англоязычных стран. В книгу также вошли впервые выполненные Равилем Бухараевым переводы на русский из поэзии Золотой Орды.

Содержание

Иисус в исламе	6
О монополии на истину	8
Христиане и мусульмане: первые встречи	25
Христианско-мусульманские споры	44
Второе пришествие Иисуса в исламе	67
Абсолютный хронометр	83
Беседа первая. На рубежах гипербореи	88
Народы седьмого климата	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Равиль Раисович Бухараев
История российского
мусульманства. Беседы
о Северном исламе

© Р. Р. Бухараев, наследники, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

Иисус в исламе

(Вместо введения)

Автор долго размышлял, как построить эти беседы, чтобы его собеседник, будь он христианин, мусульманин или атеист, не подумал бы тотчас, что его просят расстаться со своими убеждениями, но задумался бы над вещами, которые кажутся ему *само собой разумеющимися*.

Замысел этих бесед – все тот же: показать на подлинном историческом материале, что во взаимной истории мусульман и христиан собственно религиозные разногласия играли несравненно меньшую роль, чем человеческие пристрастия, предубеждения, политическое чванство и отсутствие интереса к тому, чем живет и дышит твой сосед.

В любом диалоге, особенно межрелигиозном, важнее всего задумчивая тишина между аргументами.

Замысел этих бесед пришел к автору не за письменным столом, а на высоком берегу реки Волхов, на травяном пригорке возле храма Иоанна Предтечи в Старой Ладоге. Здесь, у церкви с ее зелеными луковками, полноводный Волхов делает широкую и плавную дугу, и виден с этой церковной высоты не только противоположный, поросший густыми рощами правый берег, но и стоящие в отдалении варяжские курганы левобережья, в одном из которых, по преданию, похо-

ронен вещей Олег.

В тот ясный июльский день, проводив своих друзей в храм, где началась служба, я остался ждать их над Волховом.

Тут, на досуге размышляя о связях языческой Старой Ладоги с древним Булгаром на Волге, я и понял, что разговор о древнем *российском* исламе хорошо бы начать именно так – в ожидании друзей из храма Иоанна Предтечи, кораническое имя которого, пророк Яхья, свято и для мусульман; на высоком берегу реки, во все века соединявшей два мира, но уже почти и позабывшей об этом в своем задумчивом и мощном стремлении из прошлого и будущее.

О монополии на истину

Удивительным может показаться, что ислам в своих основах нигде не притязает на обладание монополией на Божественную истину, причем именно потому, что был явлен, как убеждены в том мусульмане, в подтверждение истинности прежних Божественных откровений. Это становится ясно уже при первом знакомстве с основами ислама, среди пяти столпов веры которого содержится непререкаемая *обязанность* верить во все Божественные писания и всех пророков человечества:

«Истинно, те, которые не веруют в Аллаха и Посланников Его, и хотят делать различие между Аллахом и Посланниками Его и говорят: «Мы верим в одних и не верим в других», и желают избрать средний путь, – такие суть истинные неверные, и Мы уготовали для неверных позорное наказание. Что же касается тех, которые веруют в Аллаха и во всех Посланников Его, и не делают различия между ними, таким не замедлит Он даровать награду их, и Аллах Всепрощающ и Милосерд». (4:151–153)

Таким образом, поскольку само имя «мусульмане» означает «покорные истинной Воле Бога», то мусульманин не имеет права забывать, что эта Воля выражалась через всех пророков человечества, то есть, в частности, через Авраама,

Моисея, Иисуса и Святого Пророка Мухаммада, да пребывает благословение Аллаха над всеми ними.

Удивительным для многих может явиться и то, что мусульмане верят не просто в пророка Ису, но именно в Иисуса Христа, то есть, в Мессию Иисуса, поскольку Христос по-гречески как раз и значит «мессия».

Из вышесказанного можно сделать хотя бы один принципиальный для нашего поиска духовной общности вывод. Как ни парадоксально это звучит, у мусульман с христианами гораздо больше общего, чем у христиан с мусульманами. В этом парадоксе главным образом и заключается суть взаимоотношений ислама и христианства на протяжении их общей истории.

Наверное, самое основное несогласие ислама с христианами состоит в том, что, по мнению мусульман, в историческом христианстве Иисусу приписано то, о чем он не только не говорил, что даже и не думал. Вот что говорит об этом Коран:

«А когда скажет Аллах: «О, Иисус, сын Марии, сказал ли ты людям: «Примите меня и мать мою в боги наряду с Аллахом», он ответит: «Свят Ты! Никогда не мог я сказать того, на что не было у меня права. Если бы я сказал это, несомненно, Ты бы знал о том. Ты ведаешь, что в уме моем, и я не ведаю, что в уме Твоем. Ты один только ведаешь тайное. Ничего не сказал я им, кроме того, что повелел Ты мне – «Поклоняйтесь Аллаху, Владыке моему и Владыке

вашему». — И я был свидетелем над ними, пока я пребывал среди них, но после того, как Ты послал мне смерть, Ты был блюстителем их; и Ты свидетель надо всем. Если Ты покараешь их, они слуги твои; и если Ты простишь их, истинно, Ты Могуч и Мудр». (Сура Ал-Майда, 5:117–119)

Как удивительно созвучны эти строки Корана с подобными же стихами из Евангелия от Матфея:

«Не всякий говорящий Мне: «Господи, Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю Им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня делающие беззаконие». (От Матфея, 7:21–23)

Попробуем же объяснить, почему мусульмане считают, что христиане через века после ухода Иисуса не вполне верно восприняли ряд принципиально важных мест его проповеди.

Говоря о пророках и утверждая, что пророки посылались к каждому из народов Земли, Коран как бы являет внимательному читателю историческую схему вещей, суть которой состоит в принятии или отвержении пророка его народом и, соответственно, в дальнейшей земной судьбе принесенного пророком Откровения.

По утверждению Корана, в случае ислама окончательное

и завершенное Божественное Откровение послано не какому-то народу в отдельности, но – «как милость всему человечеству».

Таким образом, вселенский универсализм ислама протекает не из каких-то человеческих или культурных претензий, но как логический вывод из того фундаментального принципа, что ислам признает и поддерживает Божественное происхождение всех явленных религий, в том числе и в первую очередь иудаизма и христианства.

В этой схеме вещей, между тем, содержится, *если вдуматься*, еще один главенствующий принцип любой развитой религии.

Согласно этому принципу, Бог, в конечном счете, оценивает человека по тому, как сам человек исполнил свое земное предназначение. Предназначения эти различны, как различны сами люди, но окончательная мера плодотворности земной жизни состоит не в сравнении одних людей с другими, не в том, как достижения простого человека или пророка соотносятся с достижениями и даже подвигами других людей, а в том, что сделал и что свершил *он сам*. Именно в этом свете следует понимать и равенство пророков перед Богом, несмотря на то, что одним Он предназначает гораздо более высокие и труднодостижимые цели, чем другим.

Ислам, таким образом, утверждает, что изначальные Откровения всех религий являются истинными, поскольку происходят из одного Истока – Единого и Единственного Бо-

га.

**Поэтому Божественные откровения никогда не во-
евали и не воюют между собой, кто бы ни говорил об-
ратного.**

Воюют только догмы, созданные людьми.

Догмы, между тем, создаются не духовными исканиями личности, а консенсусом большинства, поэтому по сути своей являются антирелигиозными, ибо нарушают тот самый главный принцип, что каждый человек судим Богом по *соб-
ственным* делам и мыслям своим, а не по приверженности принятой общественной догме.

В этом и содержится заблуждение тех людей, которые предпочитают мусульман христианам или христиан мусульманам *в их массе*, то есть, судят по названию, а не по делам, не обращая внимания на конкретные поступки и деяния того или иного мусульманина или христианина или извлекая из одного неприглядного примера глобальные выводы: «все, мол, они такие!»

Думается, что истинная религия – это все-таки самопостижение личности в ее отношениях с Богом, а не буквалистское, а, следовательно, и бездумное исповедание традиционных догм. Непонимание этой общей цели является, быть может, наибольшим злом в отношениях между людьми разных вер.

Сам Коран ни для кого не закрывает пути к спасению, поскольку главный критерий спасения в Коране – собственная

праведность человека, а не простая принадлежность к той или иной общине, догматизм и групповое чувство которой часто мешают человеку думать и поступать самостоятельно:

«Истинно, все уверовавшие, и Иудеи, и Христиане, и Сабеяне – все верующие в Аллаха и Судный День и творящие добро, – не познают они не страха, ни сокрушения». (Сура Ал-Бакара, 2:70)

Казалось бы, этот принцип, впервые провозглашенный устами Иисуса Христа в ответе фарисеям и в обращении к самаритянке («вера твоя спасла тебя») должен был бы, в первую очередь, укорениться именно в христианстве. Ведь оно, христианство, старше ислама почти на 600 лет. Однако странным образом именно христианство отвергает возможность спасения для всех, кто не исповедует догмата божественности Иисуса.

Но многие ли христиане, убежденные в том, что спасение человека возможно только через Иисуса Христа, знают, что с самой этой идеей согласится любой думающий мусульманин, ибо иного пути в ислам, чем через Иисуса Христа к Святому Пророку, просто нет?

Мусульманин знает, что нельзя верить в откровения, принесенные Святым Пророком, при этом отрицая и отвергая Христа, то есть, Мессию. Другое дело, что для мусульманина верить в Иисуса и его учение вовсе не значит верить в Христа как в бога, чего неукоснительно требует другой неколебимый догмат христианства.

С точки зрения мусульманина, пророческий авторитет учения Иисуса более чем достаточен для того, чтобы признать это учение и следовать ему.

В этом смысле этическое учение христианства является неотъемлемой частью ислама, и учение ислама нигде не расходится с учением самого Иисуса, выраженном в Евангелиях.

Мусульмане даже считают, что их восприятие учения Христа является более глубоким, ибо оно уходит от видимых, кажущихся противоречий, над которыми задумывались и задумываются поколения христиан.

Как, например, совместить вновь провозглашенный Иисусом древне-библейский принцип верности Ветхому Завету -

«Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам, доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все». (От Матфея, 5:17–18)

с совершенно новым по духу евангельским принципом:

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». (От Матфея, 5:38–41)

Обязательное исполнение старозаветной заповеди «око за око» представляется несовместимым с обязательным же исполнением евангельской, новозаветной заповеди об «обращении другой щеки» обидчику, и любой буквалист от религии может тотчас встать в тупик перед таким кардинальным противоречием. Христианские богословы, начиная с апостола Павла, который в письмах к первым церквям объявил Старый завет «проклятием», пытались, конечно, объяснить суть дела, однако, с точки зрения мусульманина, любое такое объяснение является опосредованным, человеческим толкованием того, что само по себе вовсе не очевидно из Писания.

Ведь вопрос-то принципиальный: следует соблюдать старозаветный Закон, переданный Богом через Авраама и всех пророков Иисусу, или не следует? С точки зрения ислама, Бог безусловно волен переменить Свой Закон, иначе этот Закон не изменялся бы по мере роста сознания человечества, и духовная эволюция человека остановилась бы на уровне Адама:

«Если Мы отменяем или предаем забвению какое-либо знамение, Мы даем другое лучшее его или подобное ему. Разве ты не знаешь, что Аллах властен делать все, что угодно Ему?» (Сура Ал-Бакара, 2:107)

Божественный Закон, таким образом, изменяется с пришествием нового Откровения, однако изменять Закон Божий может через Своих пророков только Сам Бог, но не обыкновенные люди, даже такие одаренные, энергичные и

честолюбивые, как апостол Павел. Вот что он пишет в «Обращении к галатам» о *возможности* не исполнять Закон, в котором был воспитан не только он и все остальные апостолы, но и сам Иисус¹:

«Ибо написано, проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона. А что законом никто не оправдывается перед Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. А закон не по вере; но кто исполняет его, тот жив будет им. Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе), дабы благословение Авраамово через Иисуса Христа распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою».

Так нужно исполнять закон или нет? С одной стороны, нужно, а с другой, нет.

По существу, Павел старается выразить то, что уже сказано было Иисусом: «наполняйте исполнение закона верой, не исполняйте его буквалистски».

Но с другой стороны, проблема Павла в том, чтобы освободить вновь обращаемых язычников от трудного для них исполнения старозаветного закона, и он пытается сказать, что закон, вообще-то, исполнять не обязательно, хотя это и противоречит богоданным Писаниям. Разобраться в этих рассуждениях трудно даже сосредоточенному человеку, что

¹ Обращение к Галатам, 2:10–14.

же говорить о новообращенных, среди которых было мало не только грамотных, но и просто привыкших думать людей? Не случайно апостол Петр во втором Послании говорит о посланиях Павла, что в них²:

«есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания».

Петр, как и другие апостолы, живя в Иерусалиме, никак не мог счесть старозаветный закон «проклятием» (в русском переводе Библии это слово переведено более «мягким», но и менее понятным словом «клятва»), именно потому, что таковым не считал закон сам Иисус. Если же даже два главных, после Иисуса, авторитета христианства не соглашались между собой, причем на страницах Священного Писания, то каково простому верующему? Остается одно – положиться на авторитет учения Павла, от которого осталось в истории намного больше, чем от того учения, которое проповедовал в Иерусалиме Петр.

Одной из отличительных черт Корана, между тем, является его настойчивость в объяснении именно таких принципиальных мест в Евангелиях, для толкования которых необходима не человеческая премудрость, но Божественный авторитет Откровения.

Именно Коран одним-единственным аятом разъясняет и

² 2-е Соборное Послание Святого Апостола Петра, (3:16).

тем самым примиряет – в духовном-этическом и нравственном смысле – кажущиеся противоречия явленных до него Писаний:

«Жизнь за жизнь, и око за око, и нос за нос, и ухо за ухо, зуб за зуб, а за другие обиды – соответственное возмездие. Но кто откажется от такого права, будет то искуплением за собственные прегрешения его». (Сура Ал-Майда, 5:46)

То есть, деяние прощения – выше в глазах Бога, чем пусть даже и вполне законный акт возмездия. По существу, вся нравственная суть христианского прощения заключена в этом мусульманском увещании: «если хочешь быть воистину праведным – прости».

Но ислам, при всем своем стремлении к идеалу, понимает, что далеко не всякий человек способен на прощение и на то, чтобы подставить другую щеку. Из миллионов и миллионов христиан в истории в лучшем случае десятки исполняли во всей полноте евангельские заповеди, и поэтому они причислены к лику святых. Что же, остальные миллионы христиан жили и умирали в грехе, не умея победить свою человеческую природу?

Никак, говоря словами апостола Павла. И Иисус, призывавший к исполнению закона и уважению к прежним пророкам, и ислам говорят одно: «твоим возмездием ты тешишь только собственную жажду мести, и хотя это возмездие законно, оно не несет в себе Божественного воздаяния. Одна-

ко прощение твое заключает в себе высшее из возможных воздаяний и высшее из возможных утешений, ибо, победив себя, ты сам станешь больше уважать себя в этом мире, одновременно сподобясь большего уважения и в мире грядущем».

Другая сторона учения Иисуса, а именно, приверженность истинной, деятельной религиозной нравственности в отличие от фарисейского буквализма в отношении внешней обрядности, вновь выражена Кораном так:

«Праведность не в том состоит, что вы обращаете лицо ваше к Востоку или Западу, но тот истинно праведен, кто верует в Аллаха и Последний день, и в ангелов, и в Книгу, и в пророков, и кто деньги свои расходует из любви к Нему на родню свою и сирот, и нуждающихся, и странствующих, и просящих милостыню и на выкуп пленных, и кто соблюдает Молитву и платит Закаат, и те, кто, дав обещание, исполняет его, кто терпелив в бедности и несчастиях, и тверд во время войны; такие показали себя правдивыми, и такие боятся Бога». (Сура Ал-Бакара, 2:178)

Кто из мыслящих христиан мог бы сходу отвергнуть этот аят Корана только потому, что он взят из мусульманского Писания?

Вопрос риторический. Многие бы отвергли просто потому, что по незнанию убеждены, что ислам в чем-то противоречит учению Иисуса, а изучать ислам считают грехом.

Им и горя мало, что Коран, с его подчеркнутой верностью первичным, а не опосредованным учениям, нигде и ни чем не расходится с сохраненными в Евангелиях словами самого Иисуса. Другое дело, что Коран не принимает догматов, возникших уже *после* Иисуса, тех самых догматов, которые, с мусульманской точки зрения, входят в противоречие с Откровениями Старого и Нового Заветов.

При этом крайне важно отметить, что именно эти догматы, а не этико-нравственная сторона евангельского учения, исторически превратились в мерило истинного христианства, тем самым безусловно отрицая путь к спасению для всех, кто, веря в Христа, не верит в него как в бога. Как бы откликаясь на этот исторический феномен, Коран говорит:

«И они говорят: «Сделайтесь иудеями или христианами, чтобы вы могли быть наставлены праведным образом». Скажите: «Нет, исповедуйте веру Авраама, который всегда прибегал к Богу; он был не из тех, которые воздвигают богов наряду с Богом. Скажите: «Мы веруем в Аллаха и в то, что было открыто нам, и что было открыто Аврааму, и Исмаилу, и Исааку, и Иакову и его детям, и что было даровано Моисею и Иисусу, и что было даровано всем другим пророкам от их Владыки. Мы не делаем различия между ними, и Ему мы покоряемся». (Сура Ал-Бакара, 2:136-7)

Многие люди, которых средства массовой информации и досужие разговоры уже убедили в якобы полнейшей несов-

местимости ислама и христианства, искренне удивляются, узнав о том, что в Коране очень много говорится об Иисусе и Деве Марии.

Расхожее отношение к этому известно давно. Люди, первым порывом которых является желание немедленно отмахнуться от всего, что кажется им *чужим*, скажут, что Святой пророк ислама, «составляя Коран», просто воспользовался христианскими источниками, чтобы создать свою лапидарную версию жизни Иисуса и его матери Девы Марии.

Мы не станем спорить с теми, кто просто не желает узнавать самого себя в *чужом* зеркале, но тем более важно привести здесь полную метафор кораническую историю рождения Иисуса:

«И рассказывай повесть о Марии в Книге. Когда она ушла от людей своих в место, выходящее на восток, и затворилась от них, тогда послали Мы Духа Нашего к ней, и он явился ей в виде мужа совершенного. Она сказала: «Я ищу убежища у Милосердного Единого от тебя: (Оставь меня), если ты боишься Бога». Он ответил: «Я только Посланник Господа твоего, дабы мог я одарить тебя сыном праведным». Она сказала: «Как могу я иметь сына, когда ни один муж не касался меня, и не была я нецеломудренной?» Он ответил: «Будет так». Но говорит Владыка твой: «Легко это для меня: и сделаем Мы так, дабы он был знамением для людей и милостью от Нас, и таково Наше предопределение». Итак, она зачала его, и удалилась

с ним в отдаленное место. И муки деторождения привели ее к стволу пальмового дерева. Она сказала: «О, почему не погибла я до этого и не была предана полному забвению!» Тогда он воззвал к ней из-под нее, говоря, «Не печался, Владыка твой помес «Входя же в дом, приветствуйте его, говоря: «мир дому сему», и если дом будет достоин, да придет мир ваш на него, если же не будет достоин, мир ваш к вам да возвратится». (От Матфея, 10:12–13)

Что же касается идеи божественности Иисуса, то Коран многократно утверждает, что сам Иисус никогда не называл себя богом, но лишь сыном Божиим, однако точно так же, сынами Божьими, звались в иудейской традиции и прежние пророки. Не может пророк, если он – истинный, исказить доверенное ему учение, говорит Коран:

«И невозможно, чтобы человек, которому даровал Аллах Книгу и власть, и пророческий сан, сказал людям: «будьте вы слугами мне, а не Аллаху», но скажет он: «будьте преданы одному только Владыке, ибо вы наставляете в Книге и ибо вы изучаете ее». (Сура Ал-Имран, 3:80) «О люди, имеющие Книгу, не преступайте границ в вере вашей, и не говорите об Аллахе ничего, кроме истины. Истинно, Иисус, сын Марии, был лишь Посланником Божьим, и исполнением слова Его, которое Он ниспослал Марии, и милостью Его. Итак, веруйте в Аллаха и Посланников Его и не говорите «их трое». Перестаньте, это будет лучше для вас. Иметь сына несовместимо со Святостью Его.

Ему принадлежит все, что есть на небесах и все, что есть на земле; и довольно Аллаха как покровителя! Истинно, никогда не презрит Мессия быть слугой Аллаха, так же, как и ангелы, близкие к Богу». (Сура Ал-Ниса, 4:172-3)

Смыслы Корана зеркально отражаются на страницах Евангелий:

«Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал перед Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог». (От Марка, 10:17–18)

В том же Евангелии от Марка утверждение о Единственности и Единстве Бога возникает в разговоре Иисуса с книжником:

«Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо отвечал им, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Бог единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всей душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего своего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет. Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! Истину сказал ты, что один есть Бог, и нет иного, кроме Него; и любить его всем сердцем,

и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв. Иисус, видя, как он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его». (От Марка, 12: 28–34)

Очевидно, что изложенное здесь полностью совпадает с изложением Корана, вплоть до фразы «Один есть Бог, и нет иного, кроме Него», которая является символом веры мусульман и по-арабски звучит как «Ля Илляха Иль Алла». Поэтому мусульмане считают, что подлинное учение Иисуса является абсолютным единобожием, не оставляющим места для других ипостасей. И сам Святой Пророк, и первые мусульмане, умом, сердцем, и душою убежденные в том, что следуют по пути, проложенному Авраамом, Моисеем и Иисусом, были искренне потрясены тем, что многие встреченные ими христиане отвергли столь, казалось бы, ясное и подтверждаемое Евангелиями *исламское видение христианского учения.*

Христиане и мусульмане: первые встречи

Для мусульман вполне очевидно, что все Божественные Откровения проистекают из одного Единого Источника, и в этом смысле было бы, напротив, удивительно и необъяснимо, если бы коранический рассказ об Иисусе принципиально отличался от евангельских рассказов.

Конечно, многого из того, что говорится в Коране об Иисусе и его святой матери, нет в канонических евангелиях. Однако история евангелий – это чрезвычайно сложная и во многом запутанная и противоречивая история, и то, что одни евангелия стали почитаться каноническими, а другие были отвергнуты, еще не говорит о том, что в отвергнутых апокрифических евангелиях не содержится никаких зерен истины.

С исламской точки зрения, которая подтверждается независимыми историческими и лингвистическими изысканиями, ни одно из священных писаний человечества, кроме самого Корана, не избежало искажений, дописок и исправлений в течение их долгой истории.

Поэтому когда Коран говорит об обязательности веры во все священные книги человечества, он говорит об этом в идеальном смысле, подразумевая не лежащую на столе Библию, а ее изначальные Откровения, отчасти утраченные во

многих испытаниях еврейского народа и восстановленные после вавилонского пленения – по памяти.

При всем уважении к памяти поколений, восстановленная по памяти книга не может считаться сохранившей всю подлинность истины – тем более, на протяжении тех полных бурной политической жизни веков и тысячелетий, за которые складывалась Библия. Коран же, как бы к нему ни относиться в свете веры или неверия, является в этом смысле подлинным историческим источником, то есть таким источником, текста которого не коснулась за четырнадцать веков ни одна человеческая рука. Это факт, признанный самими скрупулезными востоковедами Запада и Востока, которые при всем желании не смогли найти в нем искажений позднейшего времени.

Что же касается искренности самого Святого Пророка ислама и его уверенности в том, что он действительно получает откровения свыше, то достаточно здесь привести мнение одного из самых замечательных российских востоковедов М. Б. Питровского из его книги «Коранические сказания»:

«Все, что мы знаем об обстановке, в которой Мухаммад провозглашал людям приходявшие к нему откровения, показывает, что он был искренен. Искренность Мухаммада не раз ставилась под сомнение и его современниками, и врагами его религии. Как обман толковались его пророчества в знаменитом европейском средневековом вольнодумном трактате «О трех обманичниках», где таким же

образом разоблачались Моисей и Иисус... Некоторые европейские исследователи тоже отдали дань такой точке зрения, опираясь, в частности, на некоторые эпизоды, когда «откровения» приходили очень уж кстати для решения проблем политической борьбы или даже личной жизни пророка. Однако у нас нет серьезных оснований сомневаться в том, что Мухаммад в своих переживаниях абсолютно искренним, что он верил и знал, что тексты Корана приходят к нему «извне». Стилль Корана, конечно же, менялся, становился более спокойным. Однако повсюду в Коране он сохраняет все специфические признаки экстатической речи, отличающие Коран от всех предшествующих и последовавших произведений арабской словесности. Не только Мухаммад, но и его современники хорошо различали речь, идущую «свыше» (это пересказывалось потом как части Корана), и собственную речь Мухаммада (это фиксировалось потом как хадисы)³».

Коран, как и все предыдущие Священные Писания, должен был пользоваться местными примерами, чтобы притчи его были более доходчивы. В этом смысле нет ничего удивительного, что коранические рассказы об Иисусе чаще всего находят соответствия именно в тех версиях христианского учения, которые сохранились в арабском мире как апокрифические евангелия, например, «Евангелие детства».

³ Пиотровский М. Б. «Коранические сказания», М. Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991, с. 164–165.

Что же до того, что Святой пророк мог якобы воспользоваться христианскими источниками, об этом сугубо научным языком написано в широко известной в мире многотомной «Энциклопедии ислама», изданной в Лейдене. Это – совокупный и чрезвычайно скрупулезный труд многих востоковедов Востока и Запада, и его меньше всего можно уличить в религиозной или научной предвзятости. Вот что говорится о возможности евангельских заимствований в Коране в подробнейшей статье «Инджил (Евангелие)»:

«В Коране явлены некоторые персонажи евангелий, а именно, Иисус, Мария, Иоанн Креститель, Захария, апостолы; там же отражаются и некоторые фактические события (Благовестие, чудеса Иисуса), которые так поразительно похожи на евангельские, что возникает вопрос, в каком отношении они стоят к предшествовавшим Корану евангелиям. Для верующих мусульман этот вопрос не представляет ни малейших затруднений: один и тот же Бог явил миру обе книги, и пророк Мухаммад, получавший откровения непосредственно от Бога, не нуждался в том, чтобы пользоваться, прямо или косвенно, христианскими Писаниями для того, что воспроизвести некоторые черты этих Писаний. Историка религии, тем не менее, правила научной дисциплины обязывают здесь к поиску возможных исторических связей. Первым вопросом следует поставить следующий: какими знаниями об евангелиях могли обладать Мухаммад и первые мусульмане? Этот вопрос ведет за собой вопрос о

переводах евангелий на арабский язык, так любое знание греческого, сирийского или арамейского языков со стороны Мухаммада и его Сотоварищей можно исключить».

Выясняется, что частичные переводы евангелий на арабский язык во времена пришествия ислама если и существовали, то сводились к «изолированным и спорным деталям». Другое дело, что арабские переводы евангелий были у сирийских христиан VIII века, но к VIII веку Коран уже не только сложился, но и приобрел свою каноническую форму.

«Таким образом, мы можем... заключить, что с позиций науки сегодняшнего дня нельзя утверждать, что Мухаммад и его первые сотоварищи могли непосредственно знать евангелия на арабском языке... Распространение христианских идей в Аравии до пришествия ислама, помимо нарративных пересказов евангелий и апокрифических книг, шло главным образом, если не всецело, посредством устных поучений и ежедневных бытовых разговоров»,

заключает «Энциклопедия ислама». Более того, когда мы говорим о первом соприкосновении ислама с христианством, мы, как и во многих других подобных случаях, склонны забывать, что христианство на Ближнем востоке седьмого века было чрезвычайно неоднородно, и с точки зрения сегодняшнего православия или католицизма его подавляющая часть отвергается как ересь. Даже и сегодня в древней-

ших толках христианства, таких как христианство коптов или эфиопов, сохранилось множество обрядов, напрямую связывающих их с иудаизмом времен Иисуса, например, обрезание и отказ от свинины.

Изучение еретических, с точки зрения церкви сегодняшнего дня, сект христианства показывает, что ближневосточное и североафриканское христианство *времен своего становления* поразительно напоминает ислам – именно потому, что первые христиане Ближнего Востока не отрывались от корней иудаизма, памятуя евангельские слова о том, что не нарушить закон приходил их учитель, но исполнить.

История христианства – сложнейшая историческая дисциплина, однако простые факты говорят о том, что канонические догматы христианства были разработаны и получили распространение достаточно далеко от тех мест, где оно зародилось – в Риме и Малой Азии. Те христианские и иудео-христианские толки, в которых усматривается попытка примирить практический разум иудаизма, здравый смысл античности и учение о божественности Иисуса – эбионитство, докетизм, арианство, несторианство, учения монофизитов и гностиков – возникли именно на Ближнем Востоке и в сопредельном Египте.

Христианское вероучение могущественной Византии всегда смотрело на эти толки как на прямую ересь и боролось с ними, как могло. Поэтому вовсе не удивительны два факта начального соприкосновения ислама с христианами.

Первое: учение ислама было воспринято как еще одна из многочисленных христианских ересей, и как таковое не вызвало к себе массового интереса.

Второе: вслед первым победам мусульман в Сирии и Персии христиане ближневосточных толков после начального шока вполне мирно устроились под покровительством ислама, разве на досуге вспоминая о гонениях, которым они подвергались во времена византийского владычества.

И вновь – привычное обывательское противопоставление ислама и христианства заставляет нас забывать не только о том, что эти две религии мирно уживались веками, но и о том, что поразительный и величественный триумф исламского ренессанса был бы на первых порах просто невозможен без участия христиан в создании мусульманской культуры и государственности.

До середины восьмого века, пока арабский язык, наконец, не обновился и не развился в достаточной степени для того, чтобы стать языком не только бедуинской поэзии, но и широчайшей письменной государственности, языком политики, науки и канцелярии, именно христиане Ближнего Востока и Персии, наравне с зороастрийцами и манихеями, давали первым мусульманским уроки ведения дел. Именно они начали колоссальную переводческую работу, которая впоследствии, при деятельном участии уже самих мусульман, привела к расцвету Аббасидского Халифата конца VIII – начала IX века. Как пишет Адам Мец,

«Большие всего поражает в мусульманской империи огромное количество чиновников-немусульман. В своей собственной империи мусульмане подчинялись христианам. Жалобы на то, что от покровительствуемых зависят жизнь и имущество мусульман, слышны издавна, и уже очень рано Омару I стали приписывать распоряжение не ставить христиан или иудеев «государственными писарями». Дважды на протяжении III/IX века христиане были даже военными министрами мусульман, «так что защитники истинной веры должны были лобызать их руки и выполнять их приказы... Все антихристианские движения прежде всего были направлены против этого невыносимого для истинно верующих господства над ними покровительствуемых»⁴.

Христиане часто занимали и места сборщиков налогов. Как пишет тот же Адам Мец,

«в Египте, как свидетельствуют папирусы, множество христиан занимали посты сборщиков податей. А один из них даже приложил в 349/960 году к квитанции об уплате свою печать с изображением креста»⁵.

Впрочем, приводя подобные примеры, А. Мец все же проводит ту же мысль, которую уже в XX веке высказал другой выдающийся ориенталист, англиканский священник

⁴ Мец А. «Мусульманский ренессанс», ВИМ. Москва, 1996, с. 61.

⁵ Мец А. «Мусульманский ренессанс», ВИМ. Москва, 1996, с. 146.

Монтгомери Уатт. Уатт изобрел термин «исламский колониализм», говоря, что мусульманам, которые часто ссылаются на издержки западного колониализма, полезно-де напомнить о том, что и они бывали в истории колониальной властью, хотя, уступает он, «этот колониализм был относительно мягкой формой колониализма⁶».

Колониализм, стало быть, это угнетение и ограбление поработенных народов, в данном случае христиан Сирии, Персии, Северной Африки и Испании. Увы, преподобный Монтгомери Уатт вынужден здесь лукавить, поскольку колониализм всегда предусматривает наличие метрополии, в пользу которой и грабят колониальные народы.

В случае исламских завоеваний, если это и происходило, то в течение первых двадцати-тридцати лет великих завоеваний, когда исламским ветеранам в Медине действительно выплачивались пенсии из военной добычи. Однако Мекка и Медина, колыбель ислама, оставаясь святыней мусульман, чрезвычайно скоро перестали играть роль метрополии.

Столицей Омеййядского Халифата на сто лет стала Сирия; в Ираке были основаны города Куфа, Басра и впоследствии Багдад; в Египте – Фустат на месте нынешнего Каира, не говоря уже о блистательных городах Испанского Халифата Кордове, Гранаде, Севилье, Толедо.

Словом, завоеванные области стали самодостаточны в том

⁶ Av William Montgomery Watt, "Muslim-Christian encounters. Perceptions and Misperceptions", Routledge, London. 1991.

смысле, что львиная доля собираемых налогов шло на поддержание государственности самих этих областей, а, следовательно, и их населения.

Конечно, налоги платить кому ж охота? Но без налогов нет государственности, тем более, если налоги заданы раз и навсегда. Только накануне падения Аббасидского Халифата к концу 9 века в мусульманской ойкумене начались местные и государственные безобразия со сбором налогов, но колониальными эти безобразия назвать никак нельзя, потому что деградирующая династия для поддержания своей наемной армии драла с правого и виноватого, не разбирая ни мусульман, ни христиан, ни зороастрийцев.

Мы уже упоминали, что налог, который платили христиане и представители других покровительствуемых религий, назывался «джизья» и брался по трем категориям, причем не превышал 12, 24 или 48 серебряных дирхемов или 1, 2 или 3 золотых динаров в год в зависимости от обстоятельств налогоплательщика.

Причем, как указывает А. Мец, «в подавляющем большинстве случаев большая часть податных лиц платила подать по низшей категории». При этом и в Византийской империи каждый нехристианин обязан был уплачивать по одному динару с души в год.

Если учесть, что в Халифате слишком часто «самые доходные места были заняты христианами и иудеями, сидевшими на них плотно и накрепко, особенно среди банкиров,

торговой плутократии, торговцев полотном, крупных землевладельцев и врачей⁷», ясно, что некоторые христиане платили налоги и по высшей категории со своих, безусловно, баснословных заработков.

Между тем, как неоднократно подтверждалось мусульманскими законами, государственное налогообложение было отнюдь не произвольной и вполне понятной всем процедурой:

«подушная подать должна взиматься один раз в году и лишь с мужчин, обладающих здравым рассудком и владеющих достаточными средствами к существованию, но отнюдь не с женщин и несовершеннолетних, без какого бы то ни было отклонения от закона⁸».

Монтгомери Уатт, говоря об «исламском колониализме», по существу совершает тот же невинный на первый взгляд подлог, каким часто пользуются в спорах о христианстве и исламе. Он пытается навязывать прошлому взгляды и воззрения, отделенные от него больше, чем тысячелетием, и чрезвычайно выборочно судить прошлое с точки зрения сегодняшнего дня. Колониализм западный, уничтожавший всякие ростки независимого экономического развития исламских колоний в пользу метрополии и державший эти колонии исключительно как сырьевые придатки, не имеет ни-

⁷ Мец А. «Мусульманский ренессанс», ВИМ. Москва, 1996, с. 50.

⁸ Мец А. «Мусульманский ренессанс», ВИМ. Москва, 1996, с. 46.

чего общего с эпохой великих исламских завоеваний и тем более с поздним состоянием Халифата, каждый уголок которого подавал пример развития и Востоку, и Западу.

Уж если сравнивать эпохи, то нужно сравнивать начальную эру ислама с эпохами Александра Македонского, Дария и Гая Юлия Цезаря, однако ни одну из этих эпох при всем желании не подгонишь под категории колониализма. Если и есть некоторое сходство между сегодняшней ситуацией и обстоятельствами тысячелетней давности, то оно состоит в другом.

Сегодняшних мусульман часто обвиняют в «демонизации» христианского Запада, в первую очередь, США. Этот процесс, надо сказать, давно стал обоюдоострым: так называемый Запад, вольно или невольно, также занимается «демонизацией» всего мусульманского мира. Любопытно, однако, что эта взаимная демонизация не имеет практически никакой связи с религией, а является, как и тысячу лет назад, чисто политическим феноменом.

Византия и Халифат слишком часто находились в состоянии войны, и поэтому в мусульманах видели постоянного и *безбожного* врага, в котором по определению нет, и не может быть ничего хорошего. Такое отношение отразилось, безусловно, и на самом восприятии исламской религии, тем более, что в течение долгих веков ислам рассматривался как одна из ересей христианства. Но интересно, что первые антиисламские выпады последовали не из далекого Константи-

нополя, но из самой гущи мусульманского общества, от людей, которые занимали в этом обществе далеко не последние позиции:

«Первое соприкосновение ислама и христианства не вовлекло имперскую церковь в свою орбиту той же степени, как представлявшие большинство христиан Аравии, Сирии, Месопотамии и Египта несторианскую и монофизитскую общины. Среди этих христиан мусульмане встретили многих, кто, по крайней мере, вначале, предпочел исламское правление халцедонскому угнетению. Таким образом, как можно было ожидать, первые полемические нападки на ислам последовали от ортодоксальных богословов, «попавших в ловушку» на вражеской территории – таких как Иоанн Дамаскин и Теодор Абу-Курра... В обстоятельствах войны, которая продолжалась между Византией и исламом, христианскими лоялистами, живущими в землях, где преобладали мусульмане, использовались все возможные средства: акты конфронтации, устная и письменная полемика, групповое образование, общинная изоляция; по существу, все средства, кроме чисто военных⁹».

Здесь и началась та «демонизация» мусульман, традиционное громовое эхо которой слышится и сегодня. Действительно, после стремительной тридцатилетней эпохи великих

⁹ «Medieval Christian Perceptions of Islam», edited by John Victor Tolan, Routledge, New York and London, 2000, p. 58.

завоеваний исламский Халифат простерся от границ Индии до границ Франции, и под властью ислама оказалось двенадцать языков, среди которых многие были христианами различных толков — от ариан и монофизитов до католиков и православных византийцев.

Однако мы уже видели, что мусульмане, отличаясь провозглашенной Пророком веротерпимостью, никого не неволили принимать ислам, да к тому же вначале это было невыгодно и чисто экономически, поскольку военный налог с покровительствуемых составлял значительную часть собираемых в Халифате средств. Не будем судить, насколько переход из христианства в ислам являлся экономическим и насколько духовно-нравственным или иным выбором, но нельзя не подчеркнуть, что уже через сто лет после пришествия ислама огромную массу мусульманских жителей Халифата составляли бывшие христиане и зороастрийцы.

Продолжающееся отпадение от христианства в первую очередь беспокоило и тревожило именно таких богословов, как Иоанн (Мансур) Дамаскин. Сам он, как прежде его дед и отец, принадлежал к арабским христианам и занимал в исламском обществе высокое положение, служа при дворе Халифа правоверных сборщиком податей. Однако, впоследствии он (кстати, благодаря византийскому доносу) оставил свои светские обязанности и целиком отдался активному полемическому богословию, причем острие его полемики было направлено, как против византийского иконоборчества, так

и против ислама. Истовая вера и проникновенность Иоанна вызывают самые высокие чувства, но обстоятельства, в которых он жил и работал, волей-неволей приводят на ум сегодняшних мусульманских богословов, которые, живя на Западе, где их никто напрямую не тревожит, считают этот самый Запад своим заклятым врагом.

По всей видимости, полемический запал Иоанна Дамаскина вызывался, как мусульманскими победами над византийской армией, так и тем, что многие христиане вокруг него добровольно обращались в ислам.

Очевидно, что для арабских христиан, за исключением таких стойких, как Иоанн Дамаскин, при общности языка и многих традиций, переход в ислам был продиктован, как экономической выгодой, так и силой притяжения все более расцветавшей вокруг них мусульманской культуры.

Но вот вопрос: как приходили в ислам люди, не знавшие арабского? Приведем лишь самый характерный и интересный с точки зрения нашего вопроса пример, а именно, пример Испании, отвоеванной мусульманами у вестготов в 711 году. Вот что пишет об этом Кеннет Б. Вольф в своей статье «Христианские воззрения на ислам в Испании раннего средневековья», включенной в интереснейший труд «Средневековые христианские представления об исламе¹⁰»:

«Мягкие условия капитуляции означали, что

¹⁰ «Medieval Christian Perceptions of Islam», edited by John Victor Tolan, Routledge, New York and London, 2000, p. 92–93.

большинство христиан не испытало никаких перемен от смены режима... Через столетие после завоевания, источники являют высокую степень ассимиляции и взаимообмена культур в обоих направлениях, особенно в сторону ислама. Среди факторов, которые работали вопреки озабоченности мусульманских юристов (опасавшихся влияния христиан на мусульман – Р. Б.), были прагматические политические соображения правителей и эмиров мусульманского Запада. Они, так же, как их собратья на Востоке, быстро разглядели преимущества назначения на правительственные посты христиан и иудеев, поскольку отсутствие племенных связей делало их более уязвимыми и теоретически более преданными, чем мусульмане. По крайней мере, с начала IX века эмиры регулярно назначали христиан и иудеев сборщиками податей, министрами и даже телохранителями. Но более значительным фактором увеличившейся ассимиляции христиан в исламское общество был соблазн участия в жизни процветающей в экономическом и культурном смысле торговой империи, которая соединяла Испанию с Африкой, Ближним Востоком и Средней Азией. Многие христиане стали удачливыми купцами местного и глобального масштаба. Другие изучали арабский язык и становились продолжателями свежей и богатой литературной традиции...

Какие бы просторы эта ситуация ни открывала для христиан Андалусии с политической, экономической или культурной точек зрения, такая ассимиляция

ставила потенциально серьезные вопросы религиозной идентичности, подобные тем, которые заботили мусульманских религиозных юристов после завоеваний. С конца 8 века все больше христиан обращалось в ислам. Но, более типичным образом, христиане сохраняли свою религиозную принадлежность, но при всем том делали все от них зависящее, чтобы стать частью господствующего общества, избегая всего, что могло, с одной стороны, привлечь внимание к их религиозному статусу, а, с другой стороны, могло оскорбить религиозные чувства мусульман.

Короче говоря, они одевались, как мусульмане, разговаривали, как мусульмане и жили, как мусульмане. Несмотря на то, что этот процесс приобщения к новой культуре послужил к благополучию многих христиан, другие посматривали на него с подозрением. С каждым новым поколением культурные преграды, которые разделяли мусульман и христиан, становились все более и более пористыми. К началу IX века пассивное, но непрекращающееся наступление ислама стало настолько ощутимым, что андалусские христианские богословы впервые посмотрели на ислам как на конкурирующий с христианством религиозный феномен».

А вот чрезвычайно характерный пример с другого конца мусульманского мира. Имя великого ученого тюркского происхождения Ал-Фараби (870–950) известно, помимо всего прочего, как имя основоположника алгебры и, следовательно-

но, современной высшей математики. Но вот что пишется об его багдадском окружении в капитальном труде «История исламской философии¹¹»:

«Выдающийся ученик Ал-Фараби, христианин-яковит Абу Захария Яхья ибн Ади (ум. в 984 г.), многое сделал в области комментариев, переводов и исследований, которые впоследствии стали занимать главенствующее место в философской жизни Халифата. Имеет смысл вспомнить, что сам Ал-Фараби был учеником несторианина Юханны ибн Хайлана, и в своих исследованиях Платона и Аристотеля зависел от знавших сирийский язык христиан, наиболее известным представителем которых был несторианин Матта ибн Юнус... Отметим, насколько же космополитична была культурная атмосфера того времени. Это атмосфера слагалась из раздумий мусульман, христиан, иудеев и язычников, и, что еще более важно, в ней участвовали представители всех религиозных групп безо всякого внимания к доктринальным пристрастиям. Главной точкой всеобщего согласия было то, что «древние науки» являются наследием всего человечества, и ни одна религиозная или культурная группа не могла требовать их в исключительную собственность. Отсюда и возникло определение этой группы мыслителей как «гуманистов», а мусульманские

¹¹ «History of Islamic Philosophy», edited by Seyyed Hossein Nasr and Oliver Leaman, Routledge, London and New York, paperback edition 2001, p. 156.

*представители этой школы мысли стали называться
«мусульманскими гуманистами»».*

Христианско-мусульманские споры

Можно с ностальгией вспоминать о тех временах, когда мусульманско-христианские соприкосновения носили чисто культурный, политический, экономический, но никак не богословский характер. Ни христиане, ни мусульмане в своей массе не были в те первые века в достаточной степени религиозно грамотны, чтобы вступать в теологические споры.

Но ислам развивался не только как культура, но и как теологическая дисциплина, и уже к концу VIII – началу IX века между христианами и мусульманами понемногу началась религиозная полемика о том, что их разделяло. Выяснилось, что главной проблемой является вовсе не учение Иисуса Христа, но догмат о Троице, который христиане считали и считают главной чертой своей религии, а мусульмане полагали и полагают грубым искажением монотеизма.

В течение всего времени явления Пророку Священного Корана, эта тема вновь и вновь возникала в коранических Откровениях. Всякая возможность ассоциирования с Богом кого-то или чего-то недопустима в исламе, и спор о том, насколько *Божественными* являются божественные атрибуты, на века стал принадлежностью исламской философии. Но еще до того, как проблема Троицы стала для мусульман проблемой логики, идея Троицы была отвергнута в Коране самым однозначным образом:

«Истинно, неверные те, которые говорят: «Конечно, Аллах ни кто иной, как Мессия, сын Марии», тогда как Мессия сам сказал: «О, сыны Израиля, поклоняйтесь Аллаху, Владыке моему и Владыке вашему». Истинно, всякому, кто приобщает равных к Аллаху, запрещен Аллахом рай, и Огонь будет обителью его. И не будет помощников у творящих зло.

Воистину неверные те, которые говорят, «Аллах – третий в троице»; нет Бога, кроме Бога Единого. И если не отречутся они от слов своих, тяжкое наказание постигнет тех из них, которые не веруют. Неужели не обратятся они к Аллаху, испрашивая прощения Его, ибо Аллах – Всепрощающий и Милосердный?

Мессия, сын Марии, был только Посланник; истинно, подобные ему посланники предшествовали ему. И мать его была правдивая женщина. Оба они принимали пищу. Видишь, как изъясняем Мы знамения на пользу им, и видишь, как они отверщаются?

Скажи: «Будете ли вы поклоняться, кроме Аллаха, чему-нибудь, что не может причинить вам ни добра, ни зла? И Аллах есть тот, кто все видит, все знает.

Скажи: «О люди, имеющие Книгу, не преступайте несправедно пределов в вопросах веры вашей, и не следуйте злым наклонностям ранее заблудших, людей, которые вовлекли многих в заблуждение и которые сами сошлись далеко с правого пути». (Сура Ал-Майда, 5:73–78)

И вновь – отметим, что даже здесь, в последней по време-

ни Откровения Суре Ал-Майда, речь идет об увещевании, а не полном проклятии или какой-либо анафеме. В этом – суть Корана, который является не книгой приговоров, но Книгой Увещеваний. Не случайно уже в аяте 83 той же Суры говорится:

«И истинно, найдешь ты, что говорящие про себя, «мы – христиане», ближе из них к верующим по любви к ним. Ибо есть среди них ученые и монахи, и ибо не горды они».

Многие аяты Корана напрямую направлены людям Писания или *людям Книги*, как ислам называет христиан и иудеев. Причем в Коране постоянно подчеркивается, что нельзя огульно отвергать людей другой веры, но должно подходить к ним по их личным достоинствам:

«Среди людей, имеющих Книгу, бывает такой, который, если ты вверишь ему сокровище, вернет его тебе; и есть среди них такой, который, если ты вверишь ему динар, не вернет его тебе, если ты не будешь стоять над ним. Это потому, что они говорят: «Мы не подлежим осуждению по отношению к непосвященным». Они сознательно лжесвидетельствуют против Аллаха. Нет, но всякий, кто исполняет обет свой и боится Бога – истинно, благоволит Аллах к богобоязненным». (Сура Ал-Имран, 3:76–77)

Христианско-мусульманские споры о Троице начались го-

раздо позже явлений этих коранических откровений. Мы не будем за недостатком места вдаваться в детали этого спора длиной в тысячу четыреста лет, но, изучая книги, посвященные вопросу мусульманско-христианской религиозной полемики, среди которых наиболее новыми и интересными являются уже приведенная книга «Средневековые христианские представления об исламе» и выпущенный в Лондоне в 2001 году сборник «Исламские толкования христианства¹²», можно вместе с одним из авторов сборника Дэвидом Томасом сделать вывод, что

«Несмотря на все попытки арабоязычных христиан объяснить Троицу в терминах, заимствованных у их мусульманских соседей, мусульмане не увидели никакого резона пересмотреть высказанное Кораном обвинение в том, что Троица, в сущности, значит троебожие. Попытки христиан доказать обратное лишь подтвердили мнение мусульман о том, что эта доктрина ведет только к путанице и непоследовательности. Такое мусульманское отношение к Троице претерпело за последующие столетия мало изменений¹³».

Действительно, попытки христиан спорить с мусульманской теологией на языке формальной логики, столь хорошо известной мусульманам, потерпели поражение уже в VIII–IX

¹² «Islamic Interpretations of Christianity”, edited by Lloyd Ridgeon, Curzon, London, 2001.

¹³ David Thomas, «The Doctrine of Trinity in the early Abbasid Era», p. 95.

веках. Что касается мусульман, то их попытки убедить стойких в своих верованиях христиан также вскоре захлебнулись – по той же причине, почему потерпели крах аргументы первого из критиков христианства, апологета римской античности Цельса, который уже во II веке писал о первых христианах, как о людях, которые

«ни давать, ни получать объяснения насчет того, во что веруют. Они отделяются фразами вроде: «не испытывай, а веруй», «вера твоя спасет тебя»; они говорят: «мудрость в мире – зло, а глупость благо»... Необходимо, чтобы они, по крайней мере, разъяснили, каково то, что они утверждают, и из какого источника оно произошло».

Цельс удостоился разгромных, с точки зрения христиан, контраргументов Оригена, который и сам впоследствии был причислен чуть ли не к еретикам. Однако именно в диспутах с римскими интеллектуалами вырабатывалась практика христианских ответов на самые «каверзные» вопросы.

Впоследствии, уже в исламские времена, эта практика отразилась в готовых письменных примерах того, как следует отвечать на эти вопросы. Первыми богословами, которые уже в VIII веке разработали такие заготовки христианско-мусульманских религиозных диспутов, были Иоанн Дамаскин и Теодор Абу-Курра. Главным приемом таких воображаемых дискуссий был вековый прием ответа вопросом на вопрос, и поскольку ответы мусульман, как правило,

не приводились, то всякий читавший такие диалоги пребывал в убеждении, что противоположная сторона, не найдя, что сказать в ответ, остается посрамленной.

Вот один из таких типичных диалогов, составленных Теодором Абу-Куррой, – и читатель может сам судить о его убедительности:

«А(РАБ): Скажи мне, Христос – это твой бог?»

Х(РИСТИАНИН): Да.

А: У тебя есть другие боги, помимо него?

Х. Нет.

А: Получается, что Бог-Отец и Бог Дух Святой не имеют для тебя никакой ценности?

Х: Слушай! Вот твое Священное Писание, которое, как ты утверждаешь, снизошло с небес. И я спрашиваю тебя, у тебя есть другие Писания, помимо этого?

А: Я отвечаю, что других у меня нет.

Х. Поэтому ты отвергаешь все другие Писания?

А: Да.

Х: Что? Значит, если бы здесь была другая книга, в которой было бы изложено тоже самое Писание, ты бы отверг ее?

А: Но это не другое писание, а то же самое, даже если оно изложено в двух разных книгах.

Х: Ну вот видишь, я тоже говорю, что Бог Отец и Бог Дух Святой не отличаются от Сына, даже если Он существует в разных ипостасях»¹⁴.

¹⁴ «Medieval Christian Perceptions of Islam», edited by John Victor Tolan?

Очевидно, что такой диалог вряд ли убедил бы мусульманина, да и сведущего христианина, так как из него проистекает, что Бог-Отец и Бог-Дух Святой – это ничто иное, как типографские копии Иисуса Христа. Однако принцип этих диалогов остался в неизменности еще много веков, тем более что в действительности они писались не для мусульман, а для тех христиан Халифата, которые уже в те времена массово переходили в ислам. Для самих же мусульман Халифата, отведавших вкус античной логики и к IX веку имевших в своем распоряжении всю сокровищницу мировой философии в переводе на арабский, в религиозных спорах существовало (да и сейчас существует) только два вида аргументации.

Первый – это отсылка к подлиннику Писания, а не к философским построениям более поздних авторитетов. Надо сказать, что христианство начиналось именно с таких ссылок на Ветхий Завет, которыми совершенно естественным образом полны Евангелия. Для мусульман было важно, что написано в Ветхом и Новом Заветах и что говорил сам Иисус, а не отцы церкви, слово которых христиане принимали на веру так же, как само слово Писания. Мусульмане, со своей стороны, понимали, что мусульманские богословские авторитеты не могут явиться авторитетами для другой религии, и безо всяких ссылок на них утверждали, что сами Евангелия не дают никакой аргументации в пользу Божественности Иисуса и,

следовательно, в пользу идеи Троицы. Более того, мусульмане верили Корану, где говорится, что отдельные христиане и иудеи нарочно исказили собственное Священное писание по неким причинам политического свойства:

«Горе тем, которые пишут Книгу своими собственными руками и говорят потом: «Это исходит от Аллаха», дабы получить за это ничтожную плату. Итак, горе им за написанное их руками, и горе им за заработанную ими плату». (Сура Ал-Бакара, 2:80)

Это относится, в частности, к той христианской критике ислама, что пришествие Святого пророка как будто бы не было предсказано Евангелиями, в то время как пришествие всякого истинного пророка предрекалось предыдущими Писаниями. Однако, помимо обвинений в позднейших приписках и другом искажении евангельских текстов, мусульмане, понимая важность божественных предсказаний о явлении Святого Пророка, всегда ссылались на то, что это явление предсказано и в Ветхом Завете¹⁵, и в Евангелии от Иоанна:

«И я умолю Отца, и Он даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит его и не знает его, а вы знаете его, ибо с вами пребывает и в вас будет». (От Иоанна, 14:16–17)

Христианско-мусульманский спор здесь идет о слове

¹⁵ См., например, Abdul Haque Vidyarti, «Muhammad in World Scriptures», Adam Publishers & Distributors, Shandar Market, Chitli Qabar, Delhi-110006, 1990.

«Утешитель», которое в греческом подлиннике христиане читают как «Параклет», а мусульмане – как «Периклет», то есть «достойный всяческой хвалы», или, на арабском, Мухаммад. В ответ на христианское утверждение, что дух-Утешитель уже являлся апостолам в Кесарии, когда они вдру́з заговорили на двенадцати языках, мусульмане пытались доказать им, что нижеследующие стихи Евангелия от Иоанна говорят о гораздо большем, чем кесарийское сошествие Святого духа, а именно, о том более глубоком Откровении, которое через шестьсот лет принесет с собою Святой пророк, названный в Коране «милостью», то есть «утешением» для всего человечества:

«Но Я истину говорю вам: лучшие для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, то Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе, и о правде, и о суде: о грехе, что не веруют в Меня, о правде, что иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня, о суде же, что князь мира сего осужден. Еще многое имею сказать вам: но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя будет говорить, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам».
(От Иоанна, 16: 7-14)

Очевидно, говорили мусульмане, здесь речь может идти только о пришествии Святого пророка ислама, который го-

ворил «не от себя», но передавал «всякую истину», услышанную им от Бога и вновь прославил Иисуса. Если же Утешитель – это, согласно христианам, Бог Дух Святой, то, будучи Богом, он говорил бы именно «от себя». Заметим, что в этом пророчестве говорится и об отличии ислама от христианства, ибо сказано: «от Моего возьмет», а не «все Мое возьмет». И как после этого ясного пророчества можно «уличать» ислам в «заимствовании» у христианства?

Второй вид аргументации в пользу Троицы, которой, как думали христианские богословы, могли бы внять мусульмане – это логические построения с использованием мусульманских представлений о Божественных Атрибутах. И действительно, одно время христианские богословы пытались воспользоваться этим разработанным исламом теоретическим оружием, чтобы доказать истинность Троицы.

Пользуясь тем, что исламские философы очень усердно занимались вопросами о Божественных Свойствах, а также тем, что Коран также называет Иисуса «Словом Божиим» (*Калимуллах*), они стали утверждать, что, когда христиане говорят об Отце, Сыне и Святом духе, они просто-напросто имеют в виду, что Бог обладает Речью и Жизнью.

В точном изложении их теологического противника, арабского философа Абу Али Мухаммада бин Джуббаи (ум. в 915 г.) это философское построение выглядит следующим образом:

«Учение большинства христиан, за исключением

малого меньшинства, состоит в том, Бог является верховным Создателем всех вещей, и этот Создатель является Живущим и Говорящим. Его жизнь есть Дух, который они называют Святым Духом, и его речь есть знание. Некоторые из них говорят, что эта жизнь есть сила Бога. Они утверждают, что Бог, его Слово и его Сила являются вечными. Они утверждают, что Слово есть Сын, и тот, кто обладает Духом и Словом – это Отец. Они утверждают, что эта троица является единой божественной сущью и одним Создателем, и все они вместе составляют единую субстанцию¹⁶».

Спорить с такими мусульманскими философами, как ал-Джуббаи, на их собственном философском языке было, однако, нелегко. Позднее, когда Троица объяснялась на примере воды, то есть, когда указывалось, что одна и та же вода может быть в твердом, жидком и газообразном виде, мусульманским ответом являлось то, что в каждом из этих видов вода теряет определенные свойства, и поэтому нельзя говорить о полном равенстве ипостасей.

Христианский пример с Жизнью и Речью Бога также не выдержал доводов мусульманских современников. Ал-Джуббаи начинает с рассмотрения ипостаси «Живущий» и утверждает, что с точки зрения логики, в Троице живет либо один Бог-Отец, либо живут все три ипостаси. Если живет только Бог-Отец, тогда Он один является Богом и Создате-

¹⁶ «Islamic Interpretations of Christianity». Edited by Lloyd Ridgeon, Curzon, London, 2001, p. 91–92.

лем, и о Троице говорить не приходится. Но если живут все три ипостаси, тогда ипостась Жизнь тоже должна быть живущей и в то же самое время дающей жизнь Отцу и Сыну. Но это невозможно, так как внутри системы причина не может обуславливать сама себя.

Далее Ал-Джуббаи показывает, что попытка объяснять таинство Троицы с помощью исламского понятия о Божественных свойствах обречена на провал. Дело в том, что свойство является носителем некоторой характеристики внутри бытия, которое оно характеризует, а не внутри себя самое. Если Жизнь и Слово выступают как Божественные свойства, они не могут одновременно быть ипостасями Бога и Его свойствами.

Конечно, эти ученые споры и обмен богословскими аргументами мало отражались на повседневном общении мусульман и христиан Халифата, не говоря уже об отношениях Византии с мусульманской империей, хотя халифы ислама и византийские императоры вели между собой переписку, неукоснительным правилом которой было возведение собственных символов веры. Вот, например, как излагали друг другу свои верования в 938 году Аббасидский халиф Ар-Ради и византийские правители Роман, Константин и Стефан:

«Письмо было написано по-гречески золотом, а арабский перевод серебром... «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, единого Бога: Слава Богу, Всесовершенному, Великому, Милосердному

к своим рабам, собирающему разъединившихся и примиряющему народы, спорящие во вражде до тех пор, пока не соединятся они воедино. Хвала Богу, Который сделал мир лучшим из всех благ, так как Он восхваляется на небе и на земле»...

И написал им ар-Ради письмо... Вот его содержание: «Во имя Бога Всемилостиваго, Всемилосерднаго. От раба Божия Абу-ль-Аббаса, имама ар-Ради-Биллаха, эмира правоверных, к Роману, Константину и Стефану, правителям греков. Спасение тому, кто следует по истинному пути, придерживается самой надежной опоры и идет по пути спасения и приближения к Богу. Эмир правых хвалит Единого Бога, Единого, Вечного, у Которого нет жены, нет детей, нет товарища, нет помощника. Он далек от всякого сходства по величию Своему, слишком свят для подражания благодаря мудрости Своей, слишком велик благодаря Своей Божественности, чтобы походить на рабов Своих, и свободен от всяких потребностей благодаря власти Своей и могуществу Своему. И Он таков, каким Сам Себя изобразит: нет божества, кроме Него, Вечноживого, Самосущего. Далее приводятся стихи Корана о единстве и священной войне. «И да будет благословение Божие над пророком Мухаммедом! Да будет благословение и спасение над ним!» Затем халиф извещает греков, что он принимает перемирие и обмен и соглашается на то,

о чем они его просили¹⁷».

Такая взаимная проповедь на верховном уровне продолжалась во все века войны и мира между средневековыми империями ислама и христианства. Но более активные богословские споры постепенно утратили свой пыл, тем более, как мы увидим чуть дальше, позиции, с которых подходило к исламу византийское христианство, были во многом принципиально ошибочными. У христианских богословов не было ни времени, ни желания познакомиться с конкурирующим вероучением поближе.

Византийские, как впоследствии западноевропейские, христиане смотрели на ислам исключительно как на вражескую религию, тогда как мусульмане имели возможность смотреть на христианство как бы свежими глазами – без нажима вековых традиций и авторитетов и, наконец, вне христианского закона об отступничестве, который карал всякое внимание к такой, по мнению богословов, христианской ереси, как ислам. Поэтому они старались оспорить христианство с позиций религиозной и формальной логики, в чем преуспели только отчасти, ибо таинство в принципе стоит вне всякой логики. Так обе стороны зашли в тупик, и межрелигиозный диалог между исламом и христианством потерял свою остроту уже к XIV веку, когда ибн Хальдун в своей

¹⁷ *Ибн Ал-Асир*, «Ал-Камиль фи-т-тарих» в книге А. А. Васильев, «Византия и арабы», т. 2, «Политические отношения Византии и арабов за время македонской династии», СПб, 1902, с. 129–130.

«Мукаддима», изложив вкратце суть христианского учения, просто отмахивается от всяких бесполезных, по его мнению, разговоров о христианстве.

Очень важно, однако, отметить, что в течение веков мусульмане обладали о христианстве намного более полными и фактическими знаниями, чем христиане об исламе. В книгах мусульманских ученых и поэтов – таких, как Мукатил бин Сулейман (ум. в 767 г.), Ал-Кинди (ум. в 860 г.), Ал-Джасас (ум. в 981 г.), Илкийя ал-Харрази ((1058–1110), великий шейх суфизма Ибн ал-Араби (1076–1148), и, наконец, великий мусульманский поэт Джелалатдин Руми (ум. в 1273 г.) – не только полностью и весьма достоверно излагаются основы и доктрины христианства, но даже приводятся в деталях теологические различия между различными его толками.

Никто не мог бы обвинить мусульман в том, что они знают о христианстве только понаслышке и не читали Евангелий, которые часто цитировались средневековыми мусульманскими учеными, поэтами и богословами. Увы, мы не можем сказать того же о христианстве. Даже такой столп и защитник православия 8 века, как Иоанн Дамаскин, живя в гуще мусульман и будучи арабом, проявляет в своей антиисламской полемике весьма малую осведомленность в отношении самих основ ислама, его истории и духовного содержания. Однако он хотя бы считал необходимым насколько возможно правильно цитировать Коран, тогда как последующие поколения византийских богословов по традиции

неукоснительно верить в авторитеты прошлого уже не полагали нужным даже обращаться к первоисточнику. Отсюда – поразительные ошибки в восприятии ислама, которые легли в самую основу искаженного представления о мусульманах в широком христианском мире.

Например, в уже процитированной книге «Средневековые христианские представления об исламе» есть статья, посвященная богословскому спору, возникшему в Византии в 1180 году¹⁸. Император Мануэль Комнин вызвал целый шквал недовольства со стороны церковников Византии, когда повелел убрать одно из 22 анафематствований ислама, входивших в вековую к тому времени «Формулу отречения». Эту формулу должны были произносить все, отрекающиеся от «бога Мухаммада», которого византийские богословы никак не считали Богом Библии и Нового Завета. Да и неудивительно, если эта анафема, внесенная в «Формулу отречения» еще в VIII веке, звучала так:

«И прежде всего, я предаю анафеме бога Мухаммада, о котором Мухаммад говорит: «Он есть Бог, Единый, Бог, сделанный из прочного кованого металла, Он не рождает и не рожден Он, и нет никого, равного Ему».

С точки зрения любого мусульманина, такая анафема звучит нелепо, ибо, если ислам и боролся с чем-либо абсолютно бескомпромиссно, так это с идолами и идолопоклонством.

¹⁸ Craig L. Hanson, “Manuel I Comnenus and the “God of muhammad”: A Study in Byzantine Ecclesiastical Politics”, p. 55–82.

Так же воспринимали эту анафему и находившиеся под властью Византии мусульмане, особенно тюркские воины в составе византийской армии, которых император особенно хотел обратить в христианство. Реформа Мануэля Комнина была продиктована тем, что, по его мнению:

«прежние императоры и церковный причт... были так глупы и бездумны, что сей анафемой причиняли мучения Истинному Богу»¹⁹.

Эта анафема была убрана из числа 22 антиисламских анафем только после прямого вмешательства императора в зреющий мятеж духовенства, хотя речь-то шла о прямой лингвистической ошибке! Но мы знаем, чем иногда кончается попытка исправлять ошибки в освященных временем текстах – достаточно вспомнить историю русского раскола.

Откуда же, действительно, взялся в этой древней анафеме «бог, сделанный из прочного кованого металла»? Дело в том, что уже упомянутый нами выдающийся христианский богослов Теодор Абу-Курра (750–825), который, как и Иоанн Дамаскин, был арабом и жил в Халифате, в одном из своих полемических трактатов не слишком точно перевел на греческий одно слово в Суре 112 «Ал-Ихлас», в которой на самом деле говорится:

«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного.

¹⁹ Craig L. Hanson, “Manuel I Comnenus and the “God of muhammad”: A Study in Byzantine Ecclesiastical Politics”, p. 67.

*Скажи: «Он есть Аллах, Единый,
Аллах, Независимый и Всеми искомый,
Он не рождает и не рожден Он,
И нет никого, подобного Ему».*

По-арабски, «Независимый и Всеми искомый» обозначается словом «самад», которое в одном из значений действительно значит «прочный, массивный», но в более употребительном фигуративном значении означает «постоянный, вечный, независимый, всеми искомый».

Однако Теодор Абу-Курра выбрал для перевода греческое слово, означающее «сбитый вместе, консолидированный, неразделимый», хотя его старший современник и земляк Иоанн Дамаскин в своем труде «О ересьях» ранее перевел то же самое слово «самад» как «Создатель всего и вся». Так в само христианское восприятие идеи Бога ислама, Аллаха, вкралась переводческая ошибка, вернее, здесь лежат ее истоки.

Полвека спустя другой богослов, Никита Византиец, предприняв по поручению императора Михаила Третьего (842–867) систематический труд по опровержению ислама, развил идею перевода Теодора Абу-Курры и превратил слово «самад» сначала в греческое слово «круглый», а потом и «сделанный из крепкого кованого металла»!

Когда в 1180 году император Мануэль Комнин повелел исправить эту ошибку, поднялась целая буря, поскольку церковные богословы сразу усмотрели в этом попытку предать

анафеме не какого-то там «бога Мухаммада», но Истинного Живого Бога! Но, с точки зрения византийского императора, а также и с общемусульманской точки зрения, так оно и было – в течение веков в церквах Византии действительно предавали анафеме Единого Бога, и понадобились огромные предсмертные усилия Мануэля Комнина вкупе с двумя церковными соборами, чтобы даже не исправить, но полностью выбросить из «Формулы отречения» указанную анафему.

Если в Византии, соседствующей с Халифатом, так понимали ислам, то что взять с католического Запада, не говоря уже о древней Руси, куда подобные переводческие ошибки и построенная на них идеология перешли из Византии вместе с христианством? Самое печальное, что в этой идеологии не было уже никаких богословских споров, а были только прямые оскорбления Пророка и обвинения мусульман в «безбожии» и всех смертных грехах безо всякого снисхождения к религиозной и даже простой человеческой чувствительности мусульманских современников.

Надо сказать, что мусульманские современники, во всяком случае наиболее просвещенные среди них, писали о византийцах скорее с удивлением, чем с гневом и яростью. Вот путевой дневник исламского писателя и философа Ал Джахиза – начало XIV века:

«Затем мы прибыли в Византию и обнаружили, что среди жителей ее – врачи, философы и астрономы. Им известны принципы музыки, они умеют делать

римские весы и знают о мире книг. Они великолепные художники...

Византийцы обладают архитектурой, которой не встретишь больше нигде. Они несравненны в резьбе и плотницком ремесле. Помимо всего, они обладают священным писанием и религиозной общиной. Абсолютно ясно и неопровержимо, что они понимают красоту, знают арифметику, астрологию и каллиграфию, обладают мужеством, проникновением в суть вещей и другими выдающимися умениями.

Несмотря на все это, они веруют, что есть три бога, два незримых и один зримый, как если бы лампа нуждалась в масле, фитиле и емкости. То же самое, по их мнению, приложимо к субстанции этих богов. Они предполагают, что создание стало создателем, что раб стал господином, что вновь созданное творение стало вечным и несотворенным бытием, но было затем распято и убито с терновым венцом на голове, а потом исчезло только затем, чтобы вновь воскресить себя после смерти. Они веруют, что оно позволило своим собственным слугам заключить себя в темницу, а потом дало им власть распять и умертвить себя...

Если бы мы не видели этого своими собственными глазами и не слышали собственными ушами, мы не поверили бы, что такое возможно. Мы не поверили бы, что народ религиозных философов, врачей, астрономов, дипломатов, математиков, секретарей и умельцев в любой области может говорить, что человек, который, как они сами знают, ел, пил, ходил

по большой и малой надобности, страдал от голода и жажды, одевался и раздевался, прибавлял и убавлял в весе, который позднее, как они думают, был распят и убит, является Господом и Творцом, и счастливым Богом, Богом вечным, а не вновь сотворенным, Богом, который посылает живущим смерть и возвращает мертвых к жизни, и может по своей воле сделать для мира гораздо больше, и при всем том они до сих пор гордятся тем, что он распят и убит, так же, как иудеи²⁰».

Это писалось уже в XIV веке, после того, как отгремели не только Крестовые походы, но и монгольское нашествие, когда некогда процветающий Халифат перестал существовать, разбившись на несколько государств, и исламское единство было уже недостижимым идеалом.

И мир христианства, и мир ислама – так же, как и сегодня, держался на одиноких праведниках, но как раз эти-то праведники не спорили между собой, оставив споры и идеологию людям, которые по привычке и по традиции отвергали *чужое*, не видя в этом *чужом* ничего человеческого.

Поразительно, однако, что эта исподволь возникшая в исламе нетерпимость была направлена, да и сейчас, как правило, направляется, не на людей другой веры, но на своих же мусульман, убеждения которых не совпадают с догматическими убеждениями ортодоксального большинства. Со вре-

²⁰ «The Classical Heritage in Islam», Franz Rosental, Routledge, 1994, p. 44–45.

менем самой главной болью ислама стала великая борьба Откровения с Догмой, и мученическими жертвами в этой борьбе оказывались люди, впоследствии ставшие славой и гордостью ислама.

Думая об этом и об истоках «демонизации» людей, которые по-другому верят в Того Же Самого Бога, поневоле согласишься с британским ученым Мухаммадом Мармадюком Пиктхоллом, который еще в 1930 году писал:

«Если бы средневековая Европа столько знала об исламе, сколько мусульмане всегда знали о христианстве, эти безумные, авантюристические, иногда рыцарственные и героические, но совершенно фанатичные войны, которые известны под именем Крестовых походов, не имели бы места в истории, поскольку движущей силой их было абсолютное заблуждение. Терпимость в исламе не имела и не имеет параллелей в истории; различий по классам, расам и цветам кожи не существовало в исламе совершенно. В Испании под властью Омеййядов и в Багдаде при аббасидских халифах христиане и иудеи наравне с мусульманами принимались в школы и университеты; мало этого, они жили в учебных общежитиях за государственный счет. Мусульманам прошлого достаточно было коранического увещевания, что в вере нет принуждения. Люди сами избирают свои пути – в исламе или вне ислама – и достаточным наказанием для них служит то, что, избрав неверный путь, они удаляются все дальше и дальше от света

истины.

Но мусульмане настоящего часто забывают, что тот же самый закон относится и к свободе убеждений среди самих мусульман, поскольку законы Аллаха всеобщии; и нетерпимость одних мусульман к верованиям и убеждениям других – достаточное свидетельство того, что они сами забыли величественность и милосердие того образа мира, который дан людям в Коране».

Второе пришествие Иисуса в исламе

Мы уже видели, что в том, как Коран толкует главные верования христианства, очень много общего с Евангелиями.

Но мало кто из христиан и даже тех российских мусульман, которые ограничиваются только обрядной стороной своей религии и не задумываются о ее сокровенном эсхатологическом смысле, знает и сознает, что не только в христианстве, но и в исламе Судный День и Последние Времена неразрывно связаны с тем же самым вторым пришествием Иисуса!

Это исламское верование далеко не случайно, и, во всяком случае, в своей первозданной чистоте, не является заимствованием у христианства. Но чтобы понять, откуда вдруг такое совпадение, нужно опять же вернуться к истокам, к самой исламской логике пророческого пришествия.

Среди всех пророков человечества, среди которых были и такие великие пророки-законодатели, как Авраам и Моисей, и другие, которые не приносили новых законов, но только исправляли упущения людей, направляя их на истинный путь, Коран обращает наше внимание на двух пророков, предназначения которых были столь высоки и трудны, что они заслуживали иных, по сравнению с остальными пророками, именований.

Один из этих пророков – это сам Святой Пророк Мухам-

мад, которого Коран называет Печатью пророков, Хатам Ан-Набииин, и второй – Иисус сын Марии или Иисус Мессия (Христос). Эти два титула и два заключенных в них статуса являются чрезвычайно важными для понимания отношения ислама к Иисусу.

Что же такое «Печать пророков»? Обычно это арабское идиоматическое выражение понимается как тот факт, что с пришествием Святого Пророка ислама стезя пророчеств в человеческой истории завершилась, и после Святого Пророка не может быть никаких других пророков. Такое понимание выражения «Печать пророков», созвучное христианскому убеждению в том, что после Иисуса могут являться только лжепророки и Антихрист, стало с течением исторического времени главным догматом для подавляющего большинства мусульман планеты.

И неудивительно, поскольку по мере пришествия в ислам многих народов со своими культурами и языками, постепенно упускался из вида изначальный идиоматический смысл этого выражения, которое в арабском языке всегда означает не «последний во времени», но – «непревзойденный никем». Так, Авиценну современники называли «Печатью врачей» (Хатаман Аттиба), а великого арабского поэта Мутанабби – «Печатью поэтов» (Хатаман Шуара).

Никому при этом не приходило в голову, что после Авиценны не станет больше врачей, а после Мутанабби – поэтов, однако оба этих великих человека действительно остались

непревзойденными в своих сферах деятельности.

Более того, в хадисах сам Святой Пророк говорит о своей стезе пророчества так:

«Я – последний из пророков, и моя мечеть – последняя из мечетей».

Очевидно, что с его уходом строительство мечетей не прекратилось, однако все были обязаны своим происхождением мечети Пророка.

Между тем, признание того факта, что после ухода Святого пророка ислама стезя пророчеств завершена, попросту означает, что Бог с его уходом оставляет человечество на произвол судьбы и отказывается впредь говорить с людьми устами пророков до самого Судного Дня. Это также означало бы, что общество, оставленное Святым Пророком, было идеальным на все времена, и содержащееся в нем Откровение всегда остается изначально свежим и чуждым всякой догматики, словом, вся эволюционная суть Откровения пришла бы к концу, словно на земле и вправду был бы создан рай.

Как показала история, все было далеко не так, и сам богословский раскол в мусульманском мире ясно доказывает, что с течением времени Исламское Откровение стало, как и все предыдущие, обрастать совершенно чуждыми его сути догматами. И это вполне понятным языком объясняет сам ислам.

Ведь эволюция, то есть постоянное возрождение и все более глубокое и всеобъемлющее разрастание Откровения в

истории далеко не случайно и не произвольно, и потому, как всякая эволюция, по определению не может придти к своему концу.

Духовная эволюция, смыслом которого является постоянное движение к идеальной и потому недостижимой, но вечно манящей цели, диктуется не совершенством или законченностью того или иного Откровения, но самой природой земного человека, который склонен всюду, в том числе и в религии, искать себе не только духовного утешения, но также всяческих удобств и прибылей.

Святой Пророк действительно принес в мир всеобъемлющий и совершенный Божественный Закон. Однако, как и в мирской жизни, одних законов мало, чтобы сделать людей совершенными.

Божественный закон тем и отличается от светского, что за его исполнением должны следит в первую очередь не люди, но Сам Бог. Как мы знаем из истории, религиозные реформаторы, ведомые высоким и обостренным нравственным чувством и собственным разумом, действительно умели растолковать по-новому и тем самым освежить в восприятии людей какие-то частности изначального Откровения.

Но возродить Откровение в его целом могли и умели только пророки, которые тем и отличаются от самых великих реформаторов, что действуют не по собственной воле и умению, а только по воле Бога.

Поэтому и в исламе, как в христианстве, существует понятие Судного Дня, когда существование человечества в его нынешнем виде придет к концу, и каждому придется держать ответ не столько по своим верованиям, не столько по тому, «к Востоку или к Западу они обращали лицо», сколько по своим делам и мыслям.

В христианстве Судный День связан со вторым пришествием Христа. Но и по верованиям мусульман, проистекающим из высказываний самого Святого Пророка ислама, в Конце Времен на земле должен вновь появиться ни кто иной, как Иисус, который явится вместе с Последним Реформатором ислама, Махди, в последней попытке наставить мусульман и все человечество на путь истины. Ислам считает, что Бог, в Своем неизреченном милосердии, не может не дать людям самой последней возможности опомниться прежде Страшного Суда.

В отношении Последнего Реформатора, Махди, и его главного соперника и врага Антихриста, в исламе существует много исторических преданий, но основной вывод, который можно сделать из этих преданий, – это то, что Махди будет избран не людьми, а Богом, то есть, Сам Бог оповестит его о великой миссии и Сам Бог будет охранять его при исполнении великого предназначения.

В истории ислама было много людей, которые называли себя Махди, и некоторые из них наделали много шума и сотрясали целые государства, как это было в случае фанатич-

ного, в корне исказившего ислам и не пощадившего даже святынь Мекки движения карматов в IX–X веках или движения Алмохадов (12 век) в северной Африке. Все они, однако, отличались крайними шиитскими пристрастиями и натворили множество бед, в чем мусульманские историки, в том числе и ибн Хальдун, видели свидетельства того, что действовали они без Божественного одобрения и содействия.

Можно по-разному трактовать то мусульманское предание, что Махди будет избран не людьми, а Самим Богом, и свершит свою миссию при Божьем участии и содействии, то есть, Бог будет руководить всеми его поступками и делами.

Если человек получает некую информацию от Бога и полностью передает ее людям, если все деяния его диктуются знаниями, полученными непосредственно от Бога, то кто он? По всей видимости, *пророк*, поскольку иного определения пророка просто нет.

Однако для многих и многих мусульман, предпочитающих не рассуждать, а полагаться на известные им авторитеты, придание Махди статуса пророка хоть в каком-то смысле является полной анафемой. При этом в исламе было много исторических авторитетов, которые либо вовсе не верили в идею Махди, считая ее плодом шиитской пропаганды, либо, хотя и косвенно, готовы были признать за ним, в каком-то смысле, и пророческие качества.

В качестве главного из этих авторитетов допустимо рассматривать самого Святого Пророка ислама, который, по

свидетельству Мухаммада бин Халида ал-Джанади, сославшегося на Абана бин Салиха бин Аби Айяяша, сославшегося на основоположника суфизма Хасана ал-Басри, в свою очередь сославшегося на современника Пророка Анаса бин Малика, однажды сказал:

«Не будет иного Махди, чем Иисус, сын Марии²¹».

Мы не будем здесь углубляться в эту интереснейшую историческую тему, поскольку нас интересует в этой главе не столько Махди, сколько Иисус. Интересно, однако, что Иисус – по верованиям большинства мусульман – должен явиться в том же статусе пророка, с которым он в древности ушел с земли.

Даже если и не придавать Махди пророческих качеств, такое второе пришествие Иисуса самым неудобным образом нарушает складность догматического верования в окончательность и завершенность пророческой миссии после Святого Пророка ислама. Получается, что после Святого Пророка – во времени – все же должен явиться *другой* пророк, пусть даже и известный всем мусульманам Иисус, сын Марии. Впрочем, богословы ислама выходили из этого затруднения, говоря, что проблемы другого пророка нет, поскольку в Конце Времен на землю снизойдет тот же самый Иисус, который, чудом избежав смерти на кресте, был вознесен Богом на четвертое небо, где дожидается часа своего сошествия на

²¹ *Ибн Хальдун*, «Мукаддима». т. 2, с 184–185 в издании Ibn Khaldun, «The Muqaddima, An Introduction to History», Routledge & Kegan Paul, London, 1967.

землю.

Конечно, ни Махди, ни Иисус не приходят в Конце Времен, чтобы в чем-то превзойти Печать пророков Святого пророка ислама или хоть как-то изменить Закон, положенный исламом на все времена. Они приходят, чтобы осветить исполнение этого Закона новым Божественным светом и очистить ислам от догм и наслоений, чуждых его духу и букве. Что же в действительности пишет о распятии и вознесении Иисуса Коран?

«(Бог наложил печать на их сердца) из-за неверия их и злой клеветы их против Мариш, и потому что говорили они: «Мы умертвили Мессию, сына Мариш, Посланника Аллаха», тогда как не убили они его и не распяли, но явился он им как распятый, и те, которые не согласны с этим, точно, находятся в состоянии сомнения о том; у них нет точного знания об этом, но они следуют лишь предположению; и не обратили они это предположение в уверенность. Наоборот, Аллах вознес его к Себе, и Могуч, и Мудр Аллах. И никто из людей, имеющих Книгу, кто не уверует в это до смерти своей, и в день воскресения он (Иисус) будет свидетелем против них». (Сура Ал-Ниса, 4:157–160)

Поэтому мусульмане веруют, что Иисус не погибал на кресте: некоторые из них считали, что Иисус вообще избежал распятия, так не могли допустить, что пророк удостоился проклятия Бога («проклят всяк, висящий на древе»), а некоторые полагали, что он был распят, но избежал позорной

смерти. Главный вопрос, однако, состоит в том, как понимать идею вознесения, поскольку Аллах и в другом месте Корана произносит это слово:

«Когда сказал Аллах: «О, Иисус, Я сделаю так, что ты умрешь (естественною смертью), и вознесу тебя к Себе, и оправдаю тебя от обвинений неверных, и возвеличу последователей твоих над неверными до дня воскресения; тогда ко мне возвратитесь вы, и Я рассужу между вами о том, в чем вы расходились».
(Сура Ал-Имран, 3:56)

Коран неоднократно говорит о том, что *все Посланники Бога были людьми и умерли, как положено людям*. Однако, несмотря на всю практическую рациональность исламских воззрений на человека и природу, уже к концу VIII века в исламе сложилось представление о том, что Иисус был вознесен на небо живым, хотя, как показывают исследования хадисов, во времена самого Святого Пророка такого представления еще не существовало. Оно, скорее всего, проникло в ислам вместе с легендами, сказаниями и верованиями новообращенных христиан и манихеев, а также из шиитских верований о Скрытом Имаме, который якобы в течение веков пребывает в тайном месте, чтобы явиться в Конце Времен для установления царства справедливости на земле.

Между тем, сам Пророк, как передает об этом его святая жена Айша, говорил о том, что Иисус прожил до 120 лет. Такого же убеждения придерживались имам Малик, осно-

ватель одной из четырех главных школ исламской юриспруденции, и имам ибн Хазм. Что же касается Великого шейха суфизма ибн Араби, то он не только не верил в вознесение Иисуса во плоти, но в своих комментариях к Корану говорил, что возвращение Иисуса в Последние Времена свершится в другом теле.

Но это были лишь единичные голоса во все более ширящемся море легендарных представлений, которые с течением времени становились все более и более ортодоксальными и догматическими, пока – уже сегодня – идея возвращения Иисуса не стала напрямую ассоциироваться с грядущими судьбами мусульманского мира.

Так, мусульмане, которые некогда положили основания всем главным естественным наукам, стали считать само собой разумеющимся, что Иисус в Последние Времена, не будучи богом, все же вернется на землю *во плоти*, а затем, как пишет об этом «Энциклопедия ислама»,

«он убьет всех свиней, сломает крест, разрушит синагоги и церкви и убьет всех христиан, кроме тех, которые уверуют в него. Когда же он убьет Лже-Мессию (Антихриста), все люди Книги уверуют в него и на земле останется только одна мусульманская община. Иисус восстановит на земле господство справедливости. Мир на земле будет столь всеобъемлющим, что царство мира распространится даже на животных и на отношения человека с животными. Иисус пребудет на земле в течение сорока

лет и затем умрет. Мусульмане похоронят его рядом с Мухаммадом, между могилами халифов Абу Бекра и Омара».

Подобное, чуждое изначальному рационализму ислама догматическое представление, всячески поощряемое сегодня наиболее консервативными и фанатичными элементами в мусульманском мире, тесно сплелось со стремлением этих элементов к мирской власти, которую должен обеспечить им Иисус. Если прибавить к этой догматике идею «смерти за отступничество» и буквалистские представления об имаме Махди, который якобы раздаст всем мусульманам столь неисчислимы богатства, что мусульмане, пресытятся, откажутся их принимать, то мы получаем полный набор искаженных за века представлений об исламе, ставших причиной нынешнего небывалого застоя в так называемом мусульманском мире.

Зачем трудиться и напрягаться, зачем вступать в технологическое соревнование с «христианским» миром, если Махди, придя вместе с Иисусом, тотчас решит все проблемы и раздаст мусульманам все земные богатства задарма? Так рассуждают, конечно же, далеко не все сегодняшние мусульмане, но именно такое представление господствует среди наиболее ортодоксальных, консервативных и рвущихся к власти кругов всемирного мусульманства. Именно таким представлениям учат в застрявших в средневековые медресе вдоль пакистано-афганской границы, откуда произошли талибы и

прочие «карматы современности».

Между тем наиболее здоровые и просвещенные силы в мире ислама и сегодня, как века назад, настаивают на метафорическом толковании преданий о Махди и Иисусе в контексте религиозной любви и миролюбия, свойственных истинному исламу, как всякой Богоданной религии. Вот, например, как понимают идею второго пришествия Иисуса представители Всемирного Ахмадийского движения в исламе²²:

«Несмотря на то, что Ахмадийская Мусульманская Община ни в коей мере не отвергает самих пророчеств о пришествии Мессии и явлении Махди, она все же подчеркивает, что буквалистское их толкование чревато многими бедами и является верхом наивности и невежества. Мудрые и проникательные люди, не говоря уже о пророках, часто используют притчи и аллегории, всего значения которых часто не постигает поверхностный взгляд. Мусульмане-ахмади утверждают, что все, сказанное о Мессии и Антихристе является аллегорией. Мессия, о котором тут идет речь, – это вовсе не тот же самый иудейский пророк Иисус, посланный ранее к израильтянам. Мессия пророчества – это другой человек, который качествами и чертами характера настолько напоминает Иисуса, что достоин прозвания

²² Всемирное Ахмадийское движение за возрождение ислама основано в 1889 году Хазратом Мирзой Гуламом Ахмадом из Кадияна, провозгласившим себя Обетованным Мессией и Имамом Махди.

«Иисус, сын Марии» подобно тому, как всякий великий драматург зовется Шекспиром современности.

Упоминание Креста также является метафорой. Мессия не станет в буквальном смысле сокрушать кресты, он победит иные верования силой убеждения и неотразимостью доводов. Нельзя буквально воспринимать в пророчестве и слова «свинья». Здесь оно служит символом грязи, превращающей людей в животных, символом сексуальной «революции», которая захлестнула Америку и Европу, символом отвратительного разврата, жертвами которого становятся даже невинные дети. Антихрист также символичен. В Хадисах, Преданиях Пророка, говорится, что правый глаз его будет незрячим, тогда как левый глаз – всепроникающим и испускающим яркий свет. Это метафорическое описание того, что хотя упомянутый Антихрист и будет лишен духовного света, его хватка в материальной жизни и материальные его достижения будут необычайно велики...

Наконец, мусульмане-ахмади убеждены, что пророчества о явлении Имама Махди также несут в себе глубокий символический смысл. Богатства, которые он разделит между мусульманами, – это сокровища мудрости и духовных знаний, а вовсе не земное и материальное богатство. То, что мусульмане откажутся принимать эти сокровища, указывает на истинность Ахмадийского толкования: только

духовные богатства способен отвергнуть человек²³».

Ахмадийская община, возникшая в конце XIX века в Индии, считает себя общиной Возрождения ислама к его первоизданной чистоте средствами межрелигиозного диалога и убежденной веры и полностью отказывается от применения силы, как в религиозных, так и в мирских делах. Она возникла в те последние годы XIX века, когда ислам в Индии был вынужден отступать под напором западно-христианских миссионеров, главным доводом которых был как раз довод о том, что и в исламе Иисус якобы пребывает живым на небесах:

«Вот перед вами широкая бурная река и две лодки, – говорили миссионеры, – на одной из них перевозчик умер, а на другой – жив. Какую же лодку вы выберете, чтобы в безопасности перебраться на другой берег?»

Естественно, под умершим перевозчиком имелся в виду Святой пророк ислама, тогда под живым – Иисус. Что могли противопоставить этому софизму мусульмане, если местные муллы убеждали (и продолжают убеждать) их в том, что Иисус действительно пребывает живым на небесах?

Именно исламская логика Ахмадийского учения дала в руки мусульман аргументы для отражения этого миссионерского натиска, подкрепленного всей мощью Британской империи. О том, каковы эти аргументы, которыми охотно

²³ «Возрождение ислама», Islam International Publications Ltd., Islamabad, Surrey, England. 1992.

пользуются и ортодоксальные богословы-улемы, обвиняющие Ахмадийское движение в ереси, здесь за недостатком места говорить не приходится²⁴.

Достаточно знать, что и сегодня христианско-мусульманский диалог продолжается мирными средствами логики и взаимного убеждения, а не только криками и оскорблениями через океан, не говоря уже об обмене бомбовыми ударами, хотя последнее, как уже говорилось, лежит далеко вне любой религии.

Однако всякий диалог нуждается в движении с двух сторон, и если мусульманская Догма порой не позволяет ему продвинуться к Поиску Общего со своей стороны, то христианская Догма вкупе с совершенно чуждым христианству националистическим чванством также закрывает путь к взаимопониманию.

Но то, что имеет Общий Исток, должно иметь и Общее Завершение, и от простой логики этого факта никуда не деться. Когда в гностическом Евангелии от Фомы апостолы вопрошают Иисуса, когда же наступит Конец, он отвечает простыми и ясными словами:

«А разве вы уже отыскиали Начало, что ищете Конец? Видите ли, Конец там, где Начало. Блажен тот, кто стоит при начале, ибо он познает конец и не

²⁴ Об Ахмадийской общине см., Р. Бухараев, «Дорога Бог знает куда», 3 том, Магариф-Вақыт, 2011.

*претеритум смерти*²⁵».

²⁵ *Robert J. Miller, ed., "The Complete Gospels: Annotated Scholars Version", Polebridge Press, 1992. 1994.*

Абсолютный хронометр

Что есть История? Попытка понять Время, разделив его на сроки?

Но что же есть само время, если указать истинные сроки никакие земные часы не в силах?

Ведь в осязаниях всеобщего бессмертия любые, даже самые сверхточные и сверхдорогие часы то чуть забегают вперед, то чуть отстают, и им вторит поспешное сердце, этот главный хронометр земной жизни.

Всякий человек являет собой живые часы, и всякий человек спешит и отстает, даже когда кажется ему, что История стоит на месте. И по этому историку, для которого особенно важна точность и подлинность, нужно бы отмечать себя по какому-нибудь абсолютному хронометру.

Не случайно же историки и философы давнего прошлого – такие как Алкиндус, Авиценна или Аверроэс – каждую свою книгу начинали обращением к Вечному:

*«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
О, Всевышний Господь, мы просим Твоей помощи,
и да пребудут наши молитвы и приветствия
с Твоим Святым пророком и его благородными
последователями!»*

Так же начал свой бессмертный труд «Мукаддима» или «Прологомены истории» и Абдурахман Абу Зайд ал Хазра-

ми ибн Хальдун – человек, критический разум которого еще семьсот лет назад настолько проник в сокровенные тайны и диалектические закономерности исторической науки, что и позднейшие умы человечества, стараясь создать нечто подобное, вынуждены были с восторгом признать, что книга Ибн Хальдуна

«безо всякого сомнения является в своей сфере наивеличайшим трудом, когда-либо созданным людьми²⁶».

Труду ибн Хальдуна суждено было навсегда остаться сокровищницей идей и методов исторической науки. Между тем, начинает ибн Хальдун свой труд не обращением к читателю, но самым искренним воззванием к Богу, тотчас же создавая для своей книги атмосферу, в которой можно достоверно рассуждать о таких категориях как объективность, беспристрастие и достоверность:

«Вся хвала надлежит Аллаху! Он могуч и могущественен. В Своей руке держит Он царства обоих миров. Ему принадлежат самые прекрасные имена и свойства. Знание Его таково, что ничто в мире, будь оно произнесено шепотом или утаено в молчании, не остается для Него тайной. Могущество Его таково, что ничто на земле и в небесах не слишком велико для Него и ничто не избежит Его. Он создал нас из земли как живые и дышащие существа. Он поселил нас на

²⁶ Toynbee A. J. “A Study of History”.

ней как расы и народы. Из земли Он производит для нас все, в чем мы нуждаемся. Чрева наших матерей и наших жилищ являются нашими пристанищами. Пища поддерживает нашу жизнь. Время изнашивает нас. Последние сроки, установленные для нас в книге судеб, влекут нас к себе. Но Он остается и продолжается. Он – Живущий, который не умирает».

Всякая книга, и особенно историческая, начинается с побудительных мотивов к ее созданию. Эти мотивы – принципиально разные для дипломированного историка, знающего скрупулезные правила и классические методы научной работы или для журналиста-политолога, призванного дать быстрый ответ на злободневные вопросы современности.

Для первого из них история – поле научного исследования в рамках, заданных уважаемыми предшественниками. Для второго – опись событий и фактов, из которой всегда можно выбрать нужную подборку на потребу очередной политической задачи.

Что же эта книга для ее автора?

Конечно, эта книга для него – признание в любви, ибо только когда любишь – не думаешь о самом себе.

Но книга эта – не только признание в любви. Она также и свидетельство сопричастности автора к удивительной, мало кому доподлинно известной, почти невидимой, словно град Китеж, однако упорно существующей уже более двенадцати веков цивилизации российского северного ислама.

Она – свидетельство о том, что испытания на выживание, которые эта цивилизация выдержала в прошлом, были провозвестием ее духовного величия в будущем.

Автору потребовалось немало времени, чтобы преодолеть в себе как излишнюю доверчивость к историческим источникам, так и обиду собственного национального чувства, когда оно уж слишком настойчиво выдает желаемое за действительное.

При этом автор понимает, что он может вызвать в читателях и внутреннее противодействие, и порыв к спору.

Однако спор – это в лучшем случае обмен взаимными различиями, и в споре не может рождаться всеобщая истина.

Ведь, как кажется автору, всеобщая истина содержится в том, что не разделяет, а, напротив, соединяет людей.

Вполне беспристрастное, а, следовательно, по возможности правдивое осознание движущих сил истории может скорее сказаться не в спорах, но в спокойных беседах с другим человеком, который бы отличался от автора национальностью, происхождением, мировоззрением, всем – кроме одного.

Кроме того, что они оба – люди, а потому с точки зрения человеческой эволюции Общего у них гораздо больше, чем Различий.

Поэтому автор ищет для этой книги не только Читателя, но и Собеседника, вместе с которым он мог бы надеяться отыскать истину в той обоюдности прошлого, где, как в бес-

спорной общности российской исторической судьбы, тесно и незримо перевиты кровные связи всего человечества.

Ведь если и есть в мире абсолютный хронометр, – то это, наверное, сама человеческая душа, когда она неспешно, но упорно осознает в вере свое бессмертие, а вместе с этим и цель, и смысл, и логику всякого времени и всякой жизни.

Так и летописание становится правдивым только тогда, когда свидетельствует о предначертанном движении в бессмертие, ибо нет бессмертия вне движения, и все, что однажды застыло, тогда же и утратило свои предназначенье, цель и смысл.

«Те, кто отправляется в дорогу в поисках Божественной мудрости, не возводят прочных домов, но разбивают передвижные шатры, поелику живут в постоянном движении, извечно устремляясь вдаль, и чем далее грядут они, тем паче открывается перед ними путь, являя взорам оком, теряющийся в бесконечности²⁷».

²⁷ Ориген, христианский богослов рубежа II–III веков от Рождества Христова.

Беседа первая. На рубежах гипербореи

Народы седьмого климата

Бисмилла Ир-Рахман Ир-Рахим!

С такими словами в один из будничных дней 332 года Хиджры (943 года от Рождества Христова) арабский писатель Абуль Хасан Али бин Хусейн ал-Мас'уди привычно взял в руки перо, придвинул к себе лист толстой коричневатой бумаги и продолжил свой труд под названием «Золотые луга». Над этим историко-географическим трудом он работал целых тринадцать лет: книга была окончательно выверена и завершена им только незадолго до смерти в 956 году от РХ.

Это было в городе Фустате, ныне ставшем сердцевиной Старого Каира, – в первом мусульманском городе Египта, основанном бок-о-бок с древним греко-коптским поселением под названием Вавилон на восточном берегу Нила – напротив острова, на котором через века были возведены казармы гвардии мамелюков. От города к острову и с острова на противоположный берег Нила вел тогда составленный из лодок мост, соединявший крепостную цитадель Фустата с городом пирамид, Гизой.

Это было очень давно. Не было еще в Фустате – старом Каире такой знаменитой впоследствии мечети Ал-Азхар с ее действующим и поныне исламским университетом, однако уже и тогда стояла в нем старинная мечеть Амра бин ал-Аса, заложенная в 642 году первым мусульманским завоевателем и правителем Египта и впоследствии многожды перестроенная и украшенная его преемниками.

Само слово «фустат» по-арабски значит шатер, и легенда об основании города Каира гласит, что в походном шатре Амра бин ал-Аса свила гнездо голубка, и когда шатер вознамерились свернуть, Амр увидел гнездо и сказал: «Оставьте шатер стоять, чтобы нам не побеспокоить нашу гостью». По возвращении Амра из Александрии рядом с этим шатром была возведена первая в Египте мечеть, с чего и началось строительство города.

Фустат к первому приезду туда ал-Мас'уди в 941 году существовал уже триста лет, и, как и триста лет назад, был административной столицей строптивного Египта. Однако с запада, из городов Сус и Кейруан бывшего Карфагена, а ныне тунисской Ифрикии, уже давно грозили суннитскому Египту шиитские халифы династии Фатимидов, которые еще в 909 году провозгласили свою независимость от Багдада.

Уже после смерти ал-Мас'уди, в 969 году, фатимидский военачальник, бывший раб-христианин Джаухар во главе сотысячного войска сумел, наконец, успешно вторгнуться в ослабленный землетрясением, голодом и смутой Египет и

основать рядом с Фустатом свою столицу, названную им «ал-Кахира» или «Побеждающая». Так был основан Каир, и так египетская провинция была окончательно оторвана от Багдадского халифата и стала частью халифата Фатимидов.

Предвидел ли такую развязку ал-Мас'уди или нет, и ждал ли он сам как правоверный шиит, сложивший две книги по вопросам Имамата двенадцатеричников, такого развития событий, но жизнь его, как жизнь всякого занятого делом человека, текла собственным чередом, несмотря на все потрясения и религиозные споры X века. Войны и смуты то вспыхивали, то затухали, но жизнь продолжалась и позволяла гражданам мусульманского мира не только писать книги, заниматься наукой и ремеслами и прибыльно торговать, но и путешествовать, как говорится, в свое удовольствие.

Ойкумена ислама или мусульманская империя (*мамлакат алислам*), как называл ее известный ученый-ориенталист Адам Мец,

«простиралась от самых крайних пределов на Востоке у Кашигара и до крайних пределов Суса (на Атлантическом океане) на целых девять месяцев пути. Согласно ибн Хаукалу, империя была ограничена на востоке Индией и Персидским заливом, на западе – народами Судана, населяющими побережье Атлантического океана; на севере граничила со страной румов, Арменией, аланами, Арраном, с хазарами, русами, булгарами, славянами, тюрками и с Китаем; на юге границей служило Персидское море.

В этих пределах мусульманин, совершая путешествие, повсюду находился под сенью своей веры, встречал того же Бога, те же молитвы, аналогичные законы и схожие обычаи. В этом смысле существовало некое практическое право гражданства мусульманской империи, когда мусульманин был уверен в личной свободе во всех областях своей страны, и никто не мог сделать его рабом. В V/XI веке Насир-и Хусрау совершал путешествие через всю империю с меньшей опасностью для жизни, чем путешествовавшие в XVIII веке по Германии²⁸».

Ал-Мас'уди, как показывают исследования, родился не позднее 893 года в Багдаде, где и получил свое начальное религиозное и светское образование, однако невероятная любознательность весьма рано пробудила в нем охоту к перемене мест. Уже в 915 году, двадцати двух лет от роду, он странствует по Персии, затем по Индии, а возвратясь в Багдад через Оман, отправляется в путешествие по Ираку, Сирии и Аравии, после чего пытливость ученого заносит его на берега Каспия и в Армению. Уже в этих путешествиях и в промежутках между ними ал-Мас'уди начинает свои географические и исторические записки, но только после прибытия в 941 году в Египет он принимается за самое известное из своих 36 сочинений, трактат «Золотые луга», заглавие которого иногда переводят также как «Копи золота и россыпи самоцветов».

²⁸ Мец А. «Мусульманский ренессанс», М., Издательство «ВИМ», 1996, с. 17.

Мы не ведаем, писал ли он при утреннем свете или в рассеянном сиянии медной масляной лампы, подобной ска-
зочной лампе Алладина... Мы не знаем, трудился ли он на
рассвете, когда предваренная азаном со старинной мечети
Ахмада ибн Тулуна²⁹ зеленая заря уже отражалась в широ-
ких плесах Нила и над отливающими серебром вольнами
проносились в предрассветных сумерках стаи мелких пти-
чек, а юный рассвет, вырастая и зрея на глазах, уже очищал
от густых теней южной ночи выстроенную еще древнерим-
скими legionами императора Траяна вавилонскую цитадель
Фустата и прилепившиеся к ней дома мусульман и христи-
ан-коптов, а также многие мечети, церкви и крытые рынки
оживающего для трудов города...

Да, мы не можем точно сказать, брался ли он за свои пись-
менные труды ближе к ночи, после вечерней молитвы, когда
от великой реки – кормилицы поколений, нагретой за день
могучим африканским солнцем, снова начинало веять про-
хладой и работать становилось не в пример отраднее; мы не
ведаем обо всем этом, однако точно знаем, о каких именно
далеких северных пределах писал он тогда, почти одина-
дцать веков назад:

*«Из их страны происходят меха черной и красной
лисицы, которые называются буртасскими мехами.
Черный мех такого рода стоит 1000 динаров и больше,
а красный дешевле. Одежды из этих мехов носятся*

²⁹ Возведена в 876–879 годах нашей эры.

арабскими и варварийскими царями, и они составляют часть их славы, так как они дорожат мехов из соболя, фенека и тому подобного. Цари носят головные уборы, кафтаны и шубы из этих мехов. Что цари имеют кафтаны и шубы, подбитые этими черными буртасскими лисыми мехами, это извинительно, хотя это и против божественных законов...

...Многие из них (русов) купцы и торгуют с царством таргизов (булгар). Русы владеют большим количеством серебряных рудников, которые можно сравнить с рудниками в горах Лахеджира в Хорасане. Столица таргизов (булгар) расположена на берегу Меотийского (Азовского) моря.

По-моему мнению, эта страна принадлежит к Седьмому Климату. Таргизы имеют тюркское происхождение. Их караваны ходят так далеко, как Хаварезм в Хорасане, а из Хаварезма караваны идут к ним. Но здесь (на этом пути) живет несколько кочующих орд тюркского происхождения, отличающихся от таргизов, которые делают путь между этими двумя странами опасным³⁰.

Ал-Мас'уди был, конечно, далеко не первым арабским писателем, озаботившимся описанием простершихся за Каспийским морем дальних стран Седьмого Климата³¹. Если бы

³⁰ «История Татарии в документах и материалах», Государственное социально-экономическое издательство, Москва, 1937, с. 19.

³¹ Строго говоря, владения северного ислама, о которых пойдет речь лежали в зоне Шестого и Седьмого Климатов, и мы употребляем выражение «страны

нас интересовала только чистая этнография, мы начали бы свое повествование по крайней мере на сто лет раньше и выбрали бы в качестве первого свидетеля не ал-Мас'уди, а другого мусульманского историка и географа, скорее всего Джа-рира Абу Джафара ат-Табари (838–923), который считается одним из величайших историков мира. Согласно Йакуту ал-Хамави, который в XII веке составил многотомный биографический словарь арабских ученых, ат-Табари писал в течение сорока лет по сорок страниц в день и мечтал написать всего две книги – книгу по истории и комментарии к Корану – по тридцать тысяч страниц каждая. Друзья отговорили его, сказав, что одной человеческой жизни не хватит на такое предприятие.

Действительно, многое в трудах ал-Мас'уди является естественным заимствованием из трудов его современников и предшественников: сведения о народах Седьмого Климата – хазарах, буртасах, печенегах, мадьярах, Болгарах, русах и славянах – были известны арабским авторам по крайней мере с VIII века нашей эры. На рубеже IX–X веков в государстве ислама жили и творили выдающиеся представители всех отраслей наук, и с такими историками и географами, как уже упомянутый ат-Табари и Абу-ль Касим ал-Балхи (ум. в 931 г.), ал-Мас'уди вполне мог встречаться в свою бытность в Багдаде. Среди мусульманских исторических географов чрезвычайно интересен для нашего рассказа и Абу Али

Ахмед ибн Омар ибн Руста, чья энциклопедическая «Книга драгоценных ожерелий», вернее, дошедший до нас седьмой том этой книги, также рассказывает о странах Седьмого Климата, в число которых входили и территории современной России. Считается, что ибн Руста оставил наиболее ранние сведения о народах Поволжья и писал между 903 и 913 годом, и хотя это мнение порою оспаривается, все же очевидно, что его труды, которые в свою очередь опираются на книги старших современников ал-Мас'уди ал-Джейхани и ибн Хордадбеха (820/25-911), также созданы в годы жизни ал-Мас'уди.

Интерес мусульман к занимательной географии мира был чрезвычайно велик, и удивительная книжная культура, проникшая во все слои исламского общества, удовлетворяла и подогревала этот интерес. В городах мусульманского мира повсеместно работали лавки книготорговцев, где можно было приобрести нужную книгу, вернее, ее список, так как книги были, конечно же, рукописными, хотя и переплетались очень добротно, а то и просто роскошно. В Халифате уже давно было налажено производство бумаги: после сражения при Таласе, когда арабские войска разбили армию тюрок-карлуков, в Самарканд попал один китайский пленник, который и завел бумажное дело в подражание тому, что он видел в своем родном китайском государстве.

В 795 в Багдаде появилась первая бумажная фабрика, хотя еще долгие время Самарканд оставался центром бумаж-

ной промышленности. Однако, помимо Багдада, бумагу делали также в Сирии, Йемене, Египте и северной Африке. Бумага, таким образом, уже в первые века ислама заменила собой более дорогой пергамент и менее удобный папирус и дала возможность приобщения к книжной культуре не только самым богатым, но и людям среднего достатка. Достаток, впрочем, был не при чем: в исламских городах работали библиотеки, и не только при мечетях, хотя и существовала традиция завещать домашние библиотеки с сотнями и тысячами книг именно мечетям. По всей исламской ойкумене существовали светские библиотеки, и даже целые «дома знаний», в которых могли бесплатно работать ученые, и где за плату работали профессиональные переписчики книг. Как пишет Адам Мец,

«Наряду с библиотеками возникла новая форма научных учреждений, в которой хранение книг сочеталось с обучением или, во всяком случае, с оплатой выполненной в их стенах работы. Поэт и ученый Ибн Хамдан, принадлежащий к мосульской знати, учредил в Мосуле «дом науки» (дар ал-'илм) с библиотекой, в которой имелись книги по любой отрасли знания. Доступ к ним был открытым всякому, кто стремился к знаниям, а неимущим даже выдавалась бумага... Эта перемена нашла свое отражение в названиях учреждений: прежние учреждения, являвшиеся только библиотеками, именовались «сокровищницами мудрости» (хизанат ал-

хикма), а новые – «дом науки» (дар ал-‘илм), где библиотека (хазана) являлась лишь особой частью. В Египте также учреждались подобные академии; так, ал-‘Азиз купил в 378/988 г. дом по соседству с мечетью ал-Азхар и устроил в нем на благотворительных началах заведение для тридцати пяти богословов, которые каждую пятницу, между полуденной и послеполуденной молитвами, собирались в мечети на ученые диспуты³²».

Так что ал-Мас’уди, в принципе, мог писать свою книгу и в таком «доме знания», но человек он был, судя по всему, достаточно состоятельный, и, скорее всего, предпочитал работать в благородном одиночестве. Ясно одно: уважение к рукописям и книгам к его времени давно уже стало благородной традицией ислама, и неграмотность времен великих завоеваний ушла в прошлое, чтобы, увы, вернуться во многие мусульманские страны сегодня – через четырнадцать веков.

Нужные ал-Мас’уди рукописи и книги он, как и все другие пытливые ученые его времени, искал и находил не только в Фустате, но и в Александрии. Да, в той самой Александрии, завоевание которой в 642 году породило проникший даже в российские исторические учебники слух о сожжении арабами по повелению халифа Омара знаменитой Александрийской библиотеки³³. Слух этот, между тем, совершенно

³² Мец А. «Мусульманский ренессанс», М., Издательство «ВИМ», 1996, с. 173–174.

³³ Вот что пишет, например, историк С. А. Нефедов в своем учебнике «Исто-

неверен.

Классик ориентализма Г. Э. Фон Грюнебаум говорит, что «легенда, согласно которой александрийская библиотека была сожжена по приказу халифа, впервые появляется в XIII веке³⁴», между тем как российский ученый О. А. Большаков в своем трехтомном труде «История Халифата» утверждает:

«Специалисты хорошо знают, что это всего лишь благочестивая легенда, приписывающая Омару добродетельный поступок – уничтожение книг, противоречащих Корану, но в популярной литературе эта легенда иногда преподносится как исторический факт. Однако, ни Иоанн Никиуский

рия средних веков», вышедшем в издательстве «Владос» в 1996: «Первые века мусульманского завоевания были временем разрухи, голода и чумы. Многие города Востока опустели, великолепный Ктесифон лежал в руинах, Александрия подверглась жестокому разгрому; вместе с половиной города арабы сожгли и знаменитую библиотеку: халиф Омар заявил, что раз есть Коран, то нет нужды в других книгах.»

³⁴ Фон Грюнебаум Г. Э. «Классический ислам», Наука, Главная редакция восточной литературы, Москва, 1988, с. 52.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.